

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ЧЁРНЫЙ МЕЧ
ЦАРЯ КОЩЕЯ

Андрей Олегович Белянин
Чёрный меч царя Кощея
Серия «Тайный сыск царя Гороха», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950027
Чёрный меч царя Кощея: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2109-1

Аннотация

На Руси всегда воруют.

Только-только я успел жениться, как родное Лукошкино накрыло новое страшное преступление. В один миг неизвестной силой похищены: наша царица Лидия Адольфина, Митина невеста Маняша и... моя жена! Угадайте, кому за всё это братья? Тем более если Кощей найден мёртвым, Баба-яга влюбилась в подозреваемого, а мой верный напарник Митька стал Серым волком, с той же силой и неуёмной фантазией.

Мне-то что делать прикажете?

Собирать волю в кулак – и всех спасать.

Андрей Белянин

Черный меч царя Кощея

– Никита Иванови-ич!

– Уволен.

– Ну-у, Никита Иванович, отец родной...

– Митя, если бы я был твоим отцом, я бы уже сто двадцать восемь раз повесился, утопился или выпил яду. А если бы не помогло, попросил Еремеева расстрелять меня всем взводом у ворот!

– Никита Иванович, ну простите, за Христа ради-и-а...

– Митя, не приплетай сюда Господа! – окончательно взбесился я. – Из-за тебя всё наше отделение без Страшного суда прямым маршем в рай отправится! Если Бог любит милицию, то тебя дал нам во спасение и искупление! Как, как ты умудрился отца Кондрата за международный терроризм арестовать?!

– Дык как... – развёл руками на три метра в стороны наш младший сотрудник. – А чего, дело-то нехитрое... И главное, всё по уставу! С мордобоем, но не без вежливости, как вы и учили...

Следовательно, опять во всё виноват я, верно? У меня задёргалось левое веко, горло перехватило, и тот же заботливый Митяй остороженько усадил меня на чурбан для колки дров.

Позвольте представиться, Ивашов Никита Иванович, старший лейтенант Лукошкинского отделения милиции. Лукошкино – это такой столичный город, на тридцать тысяч душ населения. Стоит в сказочной Руси, у речки Смородины, среди лесов да полей, во времена славного царя Гороха.

Нет, кстати, царь у нас действительно неплохой. С закидонами, тараканами, натура холерическая, увлекающаяся, где-то самодурствующая, но вполне себе отходчивая. Его ещё, конечно, царица цивилизованным манерам учит. Лидия Адольфина у нас из Европы, бывшая принцесса Австрийского правящего дома, но за Россию на танки пойдёт, решительная женщина.

А я попал сюда прямо из Москвы, во время плановых учений. Влез в подвал в заброшенном деревенском домике, а вылез уже здесь, в тереме Бабы-яги.

Бабка у нас хорошая.

Это рекомендуется запомнить и повторять как мантру, а не то съест! Шучу...

Яга на редкость прогрессивная и понятливая старушка, глава нашего экспертного отдела. Мы без неё как без рук – здесь ведь в любом преступлении колдовства и чародейства порой как вшей, хоть горстями выгребай. Вот в этом смысле равных нашей бабуле нет, а ещё она мужское враньё насквозь видит, представляете? С женским у неё сложнее, ложная солидарность мешает.

За время моей службы нам удалось раскрыть ряд довольно громких дел, добиться уважения к милицейскому мундиру, определённого законопорядка в городе, и если бы не Митька...

– Так вот, Никита Иванович, иду я, стало быть, по базару, – вдохновенно врал этот нахал, прекрасно зная, что свидетелей у меня нет и придётся верить ему на слово. – Всё чин по чину, никого зазря не обижаю, честь сотрудника органов берегу, а тут навстречу, эдак бочком, бочком, отец Кондрат. Подозрительно же, правда?..

Да, а ещё я женат! Недавно. Если честно, целых три дня. Пока мы вдвоём живём в моей комнате, на втором этаже терема Бабы-яги. Нет, финансы вполне себе позволяют снять отдельное жильё, просто негде и не у кого. Гостиничный бизнес в Лукошкине не особо

развит. Все приезжие, как правило, селятся по своим: в Немецкую слободу, армянское подворье, азиатский караван-сарай, купеческие дворы, ну а кто победнее, те в доходных комнатах при трактирах и кабаках.

Антисанитария там, конечно, аховая, всех удобств – на пять квадратных метров четыре лавки с рогожей, туалет на улице, за забором, завтрак за свой счёт – горбушка хлеба да жидкий чай. Государь, конечно, сразу же подарил нам с Олёной терем в честь женитьбы, только его ещё построить надо.

– Я ж тётке Матрёне и говорю: «Пошто в капусте квашеной рябина вместо брусники залежалась?» Она в крик! Но ить тоже не по совести, верно? Задал тебе вопрос сотрудник милиции, так ответь и не кучевряжься! А тут из-за спины отец Кондрат эдак баском, дескать, не по-христиански на рабу божью голос повышаю. Ну я ему и...

Да, ещё у нас в отделении служит стрелецкая сотня под командованием Фомы Еремеева. Хороший мужик, немногословный, но дисциплинированный, своих ребят в кулаке держит и в субординации разбирается. Даже не вспомню, сколько раз мы с ним и лаялись, и спасали друг друга.

Шли долгие разговоры о создании конной полусотни, но пока с лошадьми напряг. В нашей конюшне места хватает только рыжей кобыле Сивке Бурке (та ещё скотина!) и одной, не нашей, корове. Это Митина знакомая из деревни привела. Я с ней сталкивался. И с коровой, и с Маняшей, обе яркие личности, нарисовались – не сотрёшь...

– Я ему резонно эдак: «Невкусная капуста с рябиною!» А он мне: «Нет, вкусная!» – и цельную горсть в рот кладёт, а?! Я пробую – нет, вкус-то не тот! А он пробует – тот! Ну, когда мы первый бочонок в споре на двоих приговорили, тётка Матрёна в обморок хлопнулась. Тут уж я и не стерпел...

В общем, на арест отца Кондрата сбежалась посмотреть половина базара. Батюшка у нас собой не хилый, весом хорошо за сто кило и в излишнем смирении отродясь не замечен. То есть, судя по солидному синяку в полщеки у нашего младшего сотрудника, священнослужитель оказал решительное сопротивление силам милиции. Сам был доставлен в отделение при помощи стрельцов, с пустым бочонком на голове, это уже Митя постарался.

А вот вытаскивать батюшку из поруба и с извинениями отпускать на свободу придётся, естественно, мне. Кстати, чем раньше, тем лучше. Разок было дело, к нам сюда целый крестный ход под арест попал – больше пятидесяти священнослужителей! Заодно и отделение освятили, почему нет...

– Митя, я тебя всё равно уволю.

– Да за что ж, а?!

– За всё, – многозначительно ответил я, прекрасно понимая, что он меня уже уболтал и шанс чрезмерно позверствовать упущен. – Марш территорию мести! И баню вытопи! И в конюшне прибере, лошади не чищены, сено лежалое, вода уже три часа как несвежая! Мить, ну это я, что ли, делать должен?!

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода!

Один миг, и его будто мышкой в корзину перетащило – был и нет.

Я присел на крылечке нашего отделения, устало кивнул Фоме, распекающему своих молодцов за участие в драке на базаре, и крепко задумался о жилищном вопросе. Тема, кстати, вполне себе актуальная, поскольку в данный момент на вверенном мне участке нас как-то быстро стало очень много.

Если помните, то терем и всё подворье Лукошкинского отделения милиции принадлежат Бабе-яге. Я у неё лишь квартирант, за моё проживание здесь платится из государственной казны.

Митя тут тоже прижился, но он, по крайней мере, выполняет всю домашнюю работу не хуже пушкинского Балды, а маленькое жалованье почти целиком отправляет маменьке

на деревню. Милейшая женщина, широкой русской души, разок виделись, ещё бы столько же не встречаться.

Я занимаю свободную комнату на втором этаже, Митяй ночует в сенях. А теперь ещё ко мне переехала бывшая бесовка Олёна, моя законная жена, а к моему напарнику завалилась в гости Маняша, дочь кузнеца, с коровой.

Нет, не дочь кузнеца с коровой, в их деревне о таких греческих штучках и слыхом не слыхивали. Просто с коровой. Дрессированная она у неё, в большом городе не была ни разу, Маняша её теперь по столице на познавательные экскурсии водит, достопримечательности показывает.

Вот сегодня упростила мою Олёну отвести их царский терем посмотреть. К чему я всё это? А к тому, что меня никто не понимает...

– Никита Иванович, там дьяк у ворот, – подошёл ко мне Еремеев. – Нам выгнать или ты своей ногой начальственной ему пинка дашь?

– Не искушай, – простонал я. За последний год идея пнуть возмутителя спокойствия в рясе и скуфейке была у меня почти навязчивой, превращаясь в болезненную потребность...

– Отца Кондрата требует, а тот в порубе сидит.

– Ну и суньте дьяка туда же, будем считать это посещением заключённого.

Сотник с пониманием отвалил, а я уныло поплёлся в терем. Уныло, потому что ничего хорошего меня там не ждёт. Метнувшись из горницы в сени, толстый кот Васька едва не сбил моё благородие с ног и, на секунду обернувшись, послал мне пылающий взгляд и выразительно провёл когтем по шее. Типа это я так довёл его хозяйку, и месть не заставит себя долго ждать.

Баба-яга сидела в светлице одна, за пустым столом, прихлёбывая настойку «от нервов» прямо из полулитровой бутылки. И это второй день...

– Русский метод лечения психики включает в себя не только алкоголь, но ещё и разговор по душам. То есть некий вариант исповеди на пьяную голову. Поговорим?

– Чего с тобой говорить-то? Изменщик ты и есть, – прокурорским тоном тихо пробормотала Яга.

– Да вы же сами хотели, чтоб я женился!

– Ну и брось меня, старую, одну-одинёшеньку. Собирай вон вещички да вали отсель с молодой женой в новый терем! Я-то вам на кой шиш сдалась?

Если женская логика просто ставила меня в тупик, то старушечья подразумевала ещё и кучу столь же безысходных ответвлений. В круглых глазах вернувшегося Васьки плескалась такая обида за любимую хозяйку, что было ясно – обгаженными тапками я не отделаюсь, он мне когти в нос запустит, как только усну. Коты... они на всё способны...

Из-под печки, там, где у нас живёт азербайджанский домовый Назим, вообще доносился ритмичный скрежет кавказского кинжала о точильный брусок. Зарежет, сегодня же зарежет и с чувством исполненного долга скроется где-нибудь в горах под Карабахом. Хренушки его потом с этой спорной территории Интерполом выкуришь...

– Бабуль, – я осторожно обошёл печку, вновь пытаюсь приобнять за плечи надутую старушку, – да что вы такое себе навывдумывали? Отделение никуда не переезжает, я по-прежнему здесь целый день, а к Олёне только ночевать возвращаться буду.

– Врёшь, поди...

– Век воли не видать! – не хуже заправского уголовника поклялся я, цыкнув зубом и проведя ладонью по шее.

– Охти ж мне, доверчивой, – ворчливо сдалась бабка и по одному мановению её мизинца на столе мгновенно появились пироги, ватрушки, варенье трёх видов, забухтел самовар и даже открылась берестяная коробочка с подаренным немцами кофе.

– Сначала работа, – сглотнув слюну, решил я.

– Жену свою будешь учить, чё сперва, а чё потом, – пристукнула костяной ногой Баба-яга. – А в моём доме меня слушай! Покуда не поешь, никаких тебе дел служебных вершить не позволю. Глянь-кось, за три дня-то исхудал как, соколик...

Я махнул рукой, мою домохозяйку не переспоришь, но бабка пошла дальше:

– Ладно, участковый, я ить тоже совесть имею и не без сочувствия. Ты вона ешь давай, радуй старую женщину, а я те за то все заявления вслух почитаю.

– Компромисс, – согласился я, хватая ближайший пирожок с визигою.

Вкуснота нереальная! Если бы американцы Макдональдсы были знакомы с русской кухней, они бы навек прокляли свои гамбургеры, за которые горят в аду, и сделали ставку на бабулины пироги.

– «Челом бью, сыскной воевода, а тока нет у меня управы на соседку мою Ксению Собакину, что бельё моё с верёвки тырит бесстыже, а сама глазки мужику моему строит, хучь внешне – кобыла кобылой! – с выражением читала Яга, сдвинув очки на кончик кривого носа. – А вам скажу, что муж мой Макар как напьётся в хлам, так песни под балалайку орёт и самого царя хулит за внешнюю политику! Народ ему про те дела два раза морду бил, уж и голосок-то стал гнусавый, дак не будет ли ему за то от того же царя какой ни есть компенсации? А то у нас денюжки кончились...»

Я перешел на расстегаи с осетриной и на зачитываемые куски реагировал разве что поднятием брови или невнятным хмыканьем. Подобных заявлений от «законопослушных граждан» мы получаем до полусотни в день. Реального вмешательства милиции, как правило, они и не требуют, людям просто как-то надо высказаться.

– «Ты уж прости, сыскной воевода, а тока ежели война будет, так та Немецкая слобода за нас пойдёт али за берлинцев? Мы тут, стало быть, их поим-кормим, а они нам, может, нож в спину? Дык я к чему веду-то, пострелять бы их от греха подальше, а уж на той землице я бы ещё пять лавок открыл. Надо ж своих купцов поддерживать, верно? А ежели что, дык мы с холопами и сами управимся, ты тока с милицией своей не лезь, куды не просят...»

– А вот это заявление отложите, – прокашлявшись, попросил я. – Пусть к этому умнику Еремеев с ребятами заглянет, проведёт разъяснительную беседу.

– С рукоприкладством али как? – уточнила Баба-яга.

– По ситуации.

– Стало быть, с рукоприкладством, – пометила бабка. – Оно и правильно, Никитушка, профилактика преступлений наше наипервейшее дело. Ох! Ты глянь в окошко, никак гонцы царские пожаловали?

Ага, действительно. Митя как раз пропускал их в ворота, и если вы помните, как у нас всё начиналось, то сейчас ситуация была прямо противоположная.

– Здрав буди, младший сотрудник милиции Лобов Дмитрий Васильевич, – в пояс поклонились двое молодых бояр нашему бугаю с метлой наперевес. – А не угодно ли будет тебе сыскного воеводу побеспокоить, ибо дело у нас важное, царское? Но ежели настроения нет, так мы не в претензиях, перетопчется государь, не впервой...

– Заявлений много, работы выше головы, штат маленький, зарплаты кот наплакал, – в тон отвечал Митяй, но, разумеется, не перегибая палку. – Ждите здесь, тунеядцы, лихоимцы, кровопийцы народные! Небось упрошу Никиту Ивановича принять вас, сирых, без очереди.

– На том и в ножки поклонимся, храни господь нашу милицию! – радостно перекрестились гонцы.

Вообще-то со старыми, упертыми думцами такие финты не прокатывали, но молодёжь Митя выдрессировал. У парня оказались неплохие педагогические задатки, был бы украинцем, я б его в прапорщики произвёл! Умеет найти общий язык с гражданским населением.

– Никита Иванович, там энти...

– В курсе, видел. Зови. Что у них там?

– Говорят, по царскому делу государственной важности. Брешут, поди? Может, их взащей, а?

– Дык зови уже, балабол, – вмешалась Яга. – Совсем застращал мальчонок!

– Никита Иванович, у нас кто глава отделения: вы или Бабуленька-ягуленька?

Ответить я не успел, да и не собирался, честно говоря. Со стола сам собой соскочил круглый пирог с капустой и торпедой полетел Митьке в физиономию!

– Благодарствуем. – Наш младший сотрудник успешно поймал кулинарное изделие и мигом скрылся с добычей за дверями.

– Поди, у Васеньки моего наловчился, – притворно вздохнула бабка, а чёрный кот под лавкой сделал вид, что спит и ничему подобному Митю не учил. Хотя кто бы ему поверил...

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода, – гаркнули двое молодых безбородых бояр, дружно шагнув в горницу. – Дозвольте приказ царский передать?

– Присаживайтесь, граждане, – вежливо предложил я.

Боярские сынки садиться отказались, молча положив передо мной на стол царскую грамоту. Судя по почерку и стилю письма, Горох писал сам, не диктуя писцам или тому же непотопляемому дьяку Филимону Груздеву.

«Никита Иванович, друг сердечный, бросай всё и дуй ко мне! Тема есть. Не придёшь через час, я те башку велю срубить. Ничего личного. Просто настроение такое...»

– Передайте государю, что я скоро буду. – Когда начальство вызывает на ковёр, лучше пойти.

Не то чтобы Горох у нас был так уж педантичен или кровожаден, нет, он скорее вспыльчивый, но отходчивый. Но, с другой стороны, совсем без дел не тормозит, а тут, видите ли, «тема есть». Это он у меня подхватил. Мы тут вообще друг дружку учим, и они современные словечки запоминают, и я скоро старые церковные архивы без переводчика читать смогу.

– Бабуль, у нас там в порубе отец Кондрат сидит. Ну, за драку на базаре.

– Выпустить, что ль?

– Выпустите. Внушение сделайте, и пусть себе идёт. Чем там ему заниматься положено – крещением, венчанием, отпеванием, церковными службами? Вот и пусть неустанным трудом искупает грех перед правоохранительными органами.

– Ладно уж, выпущу, – чуть капризно поджала губки Яга. – А ты тока к царю и назад?

– Да.

– К Олёнке своей не забежишь, что ль?

– Не забегу. До вечера времени нет. – Ложь наша «бабка-экспертиза» видит на раз, а вот полуправду может и пропустить. – О, чуть не забыл! Еремеев к отцу Кондрату дьяка отправил. Так вот, его не выпускать. Опять лается, как собака...

– Охти ж мне, ничему его жизнь не учит, – завздохала моя домохозяйка, и мне удалось быстренько сбежать.

Телегу готовить долго, верхом на Сивке-Бурке тоже чревато, она у нас скотина с настроением, так что лучше пешком. Погодка хорошая, пройдусь с удовольствием.

– Митеньку с собой возьми! – прокричала мне вслед Баба-яга, высовываясь из окошка.

– Кстати, да, – подумав, кивнул я.

Если он увидит, как отец Кондрат выходит на свободу с чистой совестью, не миновать нам ещё одного мордобоя уже на территории отделения.

Я попросил Еремеева приглядеть тут за всем, свистнул Митьке, чтоб шёл за мной, и направился за ворота. Прогулки по шумному Лукошкину всегда полны экстрима, вот сколько раз ни иду через Базарную площадь, а скучать ещё никогда не приходилось. Народ у нас такой, всех не перевешаешь...

– Ба-а, гляньте, люди добрые! Идёт и в ус не дует, морда бесстыжая, – начала первой какая-то тощая тётка с корзинкой куриных яиц под мышкой. – И как тока бесстыдства хватает на улицу днём выходить да святого человека за бороду носом в квашеную капусту тыкать?!

Уф... это не про меня, это про Митю. Его косяк, пусть сам и огребает. Я чуть ускорил шаг, чтобы не подумали, что он со мной.

– И не говори, Евлампевна, – поддержал кто-то из скобяных рядов. – Недавно мужика моего заарестовать хотел, дескать, вожжи у него плохие, рвутся на раз. Да и порвал товару на пять рублив с копейками! Чтоб его опосля этого громом убило, куды тока Господь смотрит...

Я с невольным уважением обернулся к нашему младшему сотруднику. Вожжи не каждая лошадь порвёт, а Яга всё ещё считает, что мы «парнишечку недокармливаем»...

– А у меня телегу перевернул, дескать, она в угоне числится. Я ить долго терпеть не стану, в иной раз кликну кумовьёв, мы ему ту же телегу на башку наденем!

– Вчерась свежего пива бочку выставил, так от этот охальник милицейский остановился, попросил нюхнуть для проверки крепости. Пить не пил, врать не буду, но нюхнул столь знатно, что пиво теперь не шибает ни хрена! Весь дух спиртной в себя унюхал и ушёл, хоро-о-оший, вприплясочку-у...

– Ой и чё ж все так прям и напали на бедолагу-то?! С зятя моего, пьяницы, обещал самолично подписку о невыезде взять. Тот тока первое слово и понял, до сих пор в сарае сидит, правой рукой крестится, левой причинно место прикрывает!

Последнее, кстати, можно было даже записать в плюс нашему бармаглоту. Методы у него не всегда конституционные, энтузиазма порой через край, но если результат положительный...

– Митя, на тебя люди жалуются, – напомнил я, когда мы прошли базар и выбрались на относительно спокойную улицу перед царским теремом. – Мить, чего молчишь?

– А? Вы спросили чё? – Он наткнулся на мой взгляд и прекратил разыгрывать птицу глухаря. – Да кому вы верите, Никита Иванович? Мало ли чего, бабы глупые...

– Женщины.

– Женщины или бабы, не одно и то же?

– Нет.

– Ну нет так нет, – не стал спорить Митяй. – А тока языками и те и другие треплют одинаково. И вообще, вы ж сами учили: нет заявления, нет проблемы.

Хм, и на этого человека мне в неопределённом будущем придётся оставить отделение. Надеюсь, это произойдёт не скоро, и мы хоть чему-то успеем его научить.

Царские стрельцы, дежурившие у ворот, встретили меня застенчивыми улыбками.

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода!

– И вам не хворать, секьюрити, – козырнул я. – Прибыл по царскому приказу. Кто проводит или мне самому в терем подняться?

– Да чего уж там, идите, Никита Иванович, – так явно заулыбались стрельцы, что у меня невольно зашевелились нехорошие подозрения. Ну там спина белая или ширинка расстегнулась, не знаю уже...

– Мить, подожди во дворе.

– Слушаюсь.

– Ни к кому не приставай. Прав не качай. Жизни не учи. А самое главное, без меня никого из боярской думы не арестовывай!

– Скучный вы человек, Никита Иванович, – тяжело вздохнул он, но послушно сел у крылечка. – Песни печальственные орать тоже небось не позволите?

– Молодец, проявил логическое мышление. Не позволю. Но, если увидишь свою Маняшу с коровой, можешь поболтать о погоде, видах на урожай зерновых и, главное, уточни деликатно, когда она от нас съедет?

– Сам жду не дожудся, – побожился мой напарник, широко осеняя себя крестным знаменем. От груди метр вправо, метр влево, полезной площади хватает...

Я бодренько взбежал на третий этаж. Всё так же таинственно улыбающиеся царские стрельцы в белых кафтанах и высоких шапках с соболиной оторочкой указали на маленькую комнатку Гороха. Его, так сказать, личные апартаменты. Раньше он там с новыми пассиями жизненным опытом обменивался, но теперь, женившись, остепенился, и надеюсь, надолго...

– Вызывали? – Я, деликатно постучав, толкнул дверь и шагнул в кабинет государя.

– Обижаешь, Никита Иванович, – тихо откликнулся он, задумчиво глядя в окно. – Не вызывал, а приглашал. Думаю, может, не побрезгует сам сыскной воевода, навестит друга старого, посидим душевно, Высоцкого твоего споём, о поэзии покалякаем...

– Так вы, я вижу, без меня уже накалякались. – Я слегка кивнул в сторону початой бутылки французского коньяка. – Посольский или купеческий?

– Посольский. Вчерась принесли, торговых льгот для себя клячат. А пуще всего, чтоб ныне всё, что алкоголем ароматизирует, на наш стол только Французский двор поставлял. Хитроморды картавые...

– Я на службе.

– А я те велю башку срубить, – безмятежно пообещал Горох, наливая две стопки.

– Тогда тем более не буду. Не люблю давление на органы.

– На какой орган я те давлю, участковый?! Прошу ить по-человечески, видишь, не в настроении государь, а ты мне перечишь...

– Да что у вас случилось-то? – Я наконец догадался шагнуть к окошку, пытаюсь понять, к чему он там прилип. А уже через минуту сам покраснел, как те же стрельцы у входа.

Сверху открывался отличный вид на задний двор, где стояла царская баня. Сквозь прорубленное оконце периодически были видны то плечи, то спины, а то и...

– Вообще-то подглядывать нехорошо.

– Так я за своей подглядываю, за женой законной, – резонно парировал Горох, протягивая мне стопку с ароматным напитком королей. – Она в баню с твоей Олёной да подружкой ейной, Манькой вроде, час назад пошла. До сих пор мылятся...

Я выпил, не задумываясь, а потом самым бесцеремонным образом оттащил государя от окошка. За своей он смотрит, как же... А при виде двух других отворачивается, что ли?!

– Ну раз ты эстетизму и лицемерию культурному чужд, – ни капли не обиделся Горох, – тогда давай по делу. Утром гонец с границы прибыл, две заставы у них огнём пожгло...

– Шамахань?

– Хуже. – Царь выдохнул, опрокинул стопку, занюхал рукавом и прошептал: – Сверху огнём полыхнули, а грозы-то и не было. Те, кто выжил, говорят, будто бы налетела ночью чёрная буря, дым столбом поднялся, шум да гром, аж уши закладывало, и полилися с небес прах, огонь да сера-а...

– Это вы сейчас Библию цитируете, что-то там про Содом и Гоморру? – припомнил я. Горох отрицательно помотал головой.

– А что тогда? Змей Горыныч о двенадцати головах?

– О трёх.

Я не сразу поверил, что он говорит серьёзно. Ну, обычные реалии русских народных сказок – это нормально, к этому тут все привычны, насмотрелись, нанюхались. Но вот трёхголовый летающий птеродактиль на огненной тяге – это уже явный перебор...

– Не может быть. Их просто не бывает, это миф.

– Когда ты в первый раз в моё царство-государство попал, я тоже поначалу думал – милиционеров не бывает, это миф, – передразнил меня Горох. – А вон теперича сколько вас по Лукошкину размножилось... Так что собирайся давай!

– Куда?

– Велю тебе ехать на восточную границу! Вот там сам всё поглядишь, расследуешь да и доложишь – есть такой Змей Горыныч али нет его.

Ответить я не успел. В ушах зазвенело, ставни едва не расшибло в щепки резким порывом ветра, царский двор резко заволокло едким дымом, а над крышей терема пролетела чья-то огромная тень! Прямо под окнами вспыхнуло пламя, зазвонил пожарный колокол, со всех сторон раздались истошные крики людей. Мать моя прокуратура, да что же это происходит? До армагеддона вроде ещё куча времени, да и календари майя не торопят...

Горох бросился вон из комнаты, куда-то побежал, на кого-то орал, раздавая приказы, а я так и стоял столбом у почерневшего подоконника. Сердце остановилось, пальцы судорожно сжимали ни в чём не повинную серебряную стопку...

– Ты чего встал, куда зенки вылупил?! – прямо в ухо проорал мне царь.

Я молча показал пальцем вперёд.

– Ну и? – не понял государь. – Там же нет ничего!

– А была баня...

Когда до нашего царя-батюшки дошло, он дважды протёр глаза и только потом завопил, как белуга на нересте:

– Ли-душ-ка-а!!!

Мы бросились вниз по лестнице наперегонки, и я бы пришёл первым, если б он не спортивно не оттолкнул меня на финише. Детальное обследование места преступления тоже ничем не обрадовало. Резную и расписную царскую баню просто сорвало с места непостижимой силой и унесло в неизвестном направлении, выломав часть тесового забора.

Пока мы с Горохом тупо ходили туда-сюда по вычищенному периметру здания в чахлой надежде, что все три красотки успели покинуть помещение, сзади появилась бесчувственная скотина по имени Митя Лобов.

– Отмаялись, сердешные, – упав на колени, с чувством простонал он. – Уж не знаю, что мне теперь с Маняшиной короной бодливой делать. А ить вам, вдовцам горьким, ещё и того почище, верно? Вы поплачьте, поплачьте по-мужски друг у дружки на грудях, а я покуда за самогонкой сбегаю. Такое горе у нас всех, как же не отметить-то...

Горох с хриплым рыком кинулся душить Митьку, я – их разнимать, а на нас троих уже навалилась перепуганная толпа думских бояр во главе с недремлющим старшиной Бодровым. Сколько он мне крови попортил, литрами не сосчитать!

Боярская дума, если помните, с первого дня невзлюбила милицию, потому что они там все привыкли жить по схеме: сверху царь, за ним бояре, ниже всех народ. Господь Бог вообще не упоминался, разве что для плезиру, а того же самодержца частенько пытались сделать лишь марионеткой в опытных руках старинных боярских фамилий.

– Попался, ирод милицейский! – напустился на меня дородный бородач Бодров, опасно размахивая посохом. – Не уследил, не уберёг государыню нашу! Позволил в своём присутствии Змею поганому матушку царицу украсть! На кол преступника!

– На кол! – дружно поддержали пузаны в дорогих кафтанах и бобровых шапках.

– Э-э, граждане, я один, а колов у вас много, – пытаюсь разрядить обстановку, пошутил я (всё равно они не поймут).

Но они поняли. Не ожидал...

– Охальничаешь, сыскной воевода?!

– Ни в одном глазу, – соврал я, мгновенно меняя план. – Да чего вы сразу на меня бросаетесь? Вон государь Митю душил и никак не справится. Нет чтоб помочь...

Бояре мигом переключились на сторону и с не меньшим пылом всей толпой кинулись помогать Гороху душить моего младшего сотрудника. Естественно, образовалась жуткая куча-мала, из которой снизу по-пластунски первым выполз наш Митяй.

– Уф, Никита Иванович, до чего тяжёлый народ в боярской думе, и вес избыточный, и характер склочный. Как неродные все...

– Встань здесь, – быстро потребовал я. – Никого не пускай, мне надо осмотреть место преступления.

– Чё ж тут смотреть-то? – удивился он, но встал на пост, широко раскинув руки. – Я ить своими глазами видел, как налетела туча чёрная, баньку с вашими... государевыми... нашими жёнами... не, одна не жена, но... тьфу! Короче, были – и нет! Видать, Змей унёс.

– Уверен? А может, это колдовство какое-то, фокус, иллюзия? Или Кощей новую пакость придумал? Или Лихо Одноглазое на свободу выбралось? Или...

Я мог бы накидать ему ещё с десятков версий просто оттого, что мне надо было хоть что-то говорить. На самом деле в мозгу билась одна страшная мысль... Олёны нет!

Мою молодую жену только что, прямо на моих глазах, похитила неизвестная сила такого масштаба, с какой мы никогда раньше не встречались. Судя по жалким обломкам забора, толстые дубовые доски были переломлены в одно касание, как спички. Царскую баньку (почти сто квадратных метров!) сорвало с места и унесло в неизвестном направлении. Это дом! Не сарайчик, обшитый вагонкой, а добротный сруб из сосновых брёвен. Её и бульдозером было бы непросто скovyрнуть, а уж унести...

На земле никаких следов не оказалось, зато у забора со стороны улицы обнаружилось нечто похожее на рыбью чешуйку. Только грязно-зеленоватого цвета, с зазубринами по краям и общим размером с тетрадный лист. Вполне могла подойти какому-нибудь доисторическому птеродактилю или ящерице. Если можно представить себе ящерицу, откормленную до параметров военного самолёта МЧС. Верить в то, что такой Змей действительно существует и он только что напал на Лукошкино, сознание отказывалось категорически. Невзирая на самые упрямые факты!

Через пару минут ко мне сзади подошёл изрядно помятый, но подуспокоившийся Горох. Митяй честно не подпускал к нам извиняющихся бояр...

– Дуй отсель, участковый, – напряжённо попросил государь. – Бабе-яге всё расскажи, в ножки кланяйся, о помощи умоляй. Плахой грозить не стану, помочь прошу, сам всё понимаешь.

Мне нечего было ему ответить. В таком состоянии человек просто не осознаёт логики собственных поступков. Горох не так давно всерьёз рассорился с супругой. Не берусь судить, кто там у них был прав, кто виноват, но жила всё это время бывшая австриячка Лидия Адольфина не в Немецкой слободе, а у нас в отделении. Делом, а не на словах Лидушка умудрилась всем нам стать хорошей приятельницей. И её потеря – это ещё и удар по нашему миллицейскому братству, мы же своих не бросаем...

Мне оставалось лишь молча козырнуть и покинуть территорию царского подворья. Митяй, не дожидаясь, пока о нём вспомнят, припустил следом. По пути нас подхватили встревоженные еремеевцы. Огромную чёрную тучу, похожую на трёхголового Змея Горыныча видели многие. Народ на улицах, не выбирая выражений, старательно мешал сказку с быльёю...

– Ай, шайтан-гюрза полетел! Молодых ханум воровать будет, как у нас в Бухаре. Всех луноликих гурий с ресницами длинными, как хвост ишака, с глазами томными, как у священной коровы, с походкой грациозной, как у беременной верблюдицы, с грудями ароматными, как...

– Хоть тут-то чё человеческое скажи, удад персидский! Своих девок с домашним скотом сравниваешь, так хоть к нашим не лезь! Энтю ещё надобно узнать у кого из начальства, не вы ли энтю Змея к нам на Русь запустили?

– Не, то прибалты! Они народ неспешный, но упёртый. Говорят, тридцать три года Змея уговаривали, пока он от их занудности не сдался...

– Православные, а чего ж змеюка перелётная царскую баню-то спёрла? Нешто ничего вкуснее не нашла? Да вон хоть соседа моего вниманием обидела, а у него и мясо в щах, на полквартила хруст в хрящах, и дочь – невеста, вся в прыщах, созрела...

– Найн! Ви есть гофорить глупость! Змий с крыльями не бывайт. Это мог быть неизфестный науке зверь! Фот в Швеции тоже летал один такой. Все думали, он к фрекен Бок на фаренье, а он к ней софсем с другими намерениями... Я, я! Дас ист фантастиш!

– Ты тут зазря языком не трепи, немчура проклятая. Мы вас били, бьём и ещё не раз бить будем. А к чему я энтю? Да кто ж меня, неопохмеленного, разберёт опосля вчерашнего-то...

– Бабоньки, дык в милицию доложить надо бы, а? Может, они ничё и не знают. Ну люблю я в отделение Никите Ивановичу заявления писать! Есть такой грех, прости господи...

– Да вон и сам участковый идёт! Сурьёзный какой... Видать, съел чего и животом теперича мается. Добежит до отделения, сердешный, али тут отмучается, под кустиком?

Я старался никого не слушать и ни на что не отвлекаться. Быть может, впервые за всё время моей службы в Лукошкине я вдруг понял, что столкнулся с превосходящими силами противника. Причём настолько превосходящими, что если нас поставить в разные углы ринга – то не факт, что он вообще меня разглядит. По такой зверюге надо бы палить из крупнокалиберной гаубицы, а у меня всего личного оружия – планшетка на плече да царская сабля на стенке в комнате.

Я её, кстати, брал в руки пару раз. Неправильно взялся левой рукой за ножны, слишком близко к эфесу, ну и нехило порезал указательный палец. Совсем не отрубил, уже спасибо...

Отделение во главе с Еремеевым встречало меня по команде «в ружьё». То есть все стрельцы собрались, готовы к походу, глаза горят, фитили дымятся, а длинноствольные пищали так и жаждут хоть в кого-нибудь пальнуть.

– Где Яга? – кротко спросил я.

– В нервах, – тихо ответил сотник.

Ясно, значит, опять мне огребать полной ложкой. А ведь вроде, когда уходил, бабка была в нормальном настроении...

– Ей там, в порубе, дьяк Груздев нагрубиянничал, – правильно растолковал мои сомнения командир стрелецкой стражи. – Уж не знаем, чего наплёл, а тока летела твоя бабушка от поруба ровно ошпаренная...

– Убью.

– Дак мы поспособствуем!

– Это была фигура речи, короткий эмоциональный всплеск, – скорбно вздохнул я. – Выведите его из поруба, дайте по шеям и гоните, чтоб духу этого либерала здесь не было!

– Рады стараться! – гаркнули стрельцы.

– Митя, проконтролируй.

На самом деле я зря прописал Филимона Митрофановича в либеральный лагерь. Он у нас, конечно, вечный оппозиционер, но притом же ещё и убеждённый монархист. Его хлебом не корми, дай пострадать за царя и отечество. Просто милицию очень не любит. Хотя мы к нему – всей душой!

– Бабуль, – осторожно входя в сени, позвал я.

Тишина. Ни сопения, ни храпа, ни всхлипов. Я прошёл в горницу. Яга в самом простеньком сарафанчике, чёрном платочке на голове, стоя на коленях, истово молилась иконе Николы Можайского. В мою сторону она и головы не повернула, а умный кот Васька из-под лавки молча приложил лапку к губам. Я понятно кивнул ему, тихо встав в уголочке.

Буквально через пять минут бабка закончила, с хрустом встала на ноги и тепло улыбнулась мне:

– Проходи, Никитушка. Как раз к обеду поспел, вот и откушаем чем бог послал.

Она цыкнула на высунувшего нос азербайджанского домового и сама быстро накрыла на стол. Церемонно перекрестила горшок со щами, а потом сложила ладошки и вновь улыбнулась мне:

– Что ж, Никитушка, поблагодарим Боженьку за хлеб насущный да с молитвою светлой и оттрапезничаем. Ты уж не гневись, а тока нынче щи постные будут, через недельку оскоромимся...

Я смотрел на Ягу круглыми от ужаса глазами. Кто нам подменил бабку?!

– Вообще-то у нас серьёзное дело. Произошло похищение целого здания, в котором находились...

– Царица Лидия, твоя Олёна да Митина гостя из Подберёзовки, – печально покачала головой Баба-яга, осеняя себя крестным знамением. – Слухом земля полнится. Что ж, на всё воля Божия. Мы за них тока молиться и можем...

– Что?! – Я не поверил своим ушам.

– Видать, много нагрешил государь наш, да и ты, Никитушка, совесть свою спроси – чиста ли? Не прогневил ли чем Господа? Не оформлял ли на задержание невинных, не превышал ли полномочия, не забыл ли заповедь «не суди да не судим будешь»?

– Бабушка-а! Ау! Вернитесь на землю. Кто вам так по ушам проехался, что вы...

Я резко захлопнул рот. Стрельцы же говорили, что она из поруба как ошпаренная бежала. Дьяк! Всё, он доигрался. Так заболтать Бабу-ягу, чтоб она из лучшего сотрудника нашей опергруппы превратилась в упёрто-религиозную ботву, – это надо суметь! И ведь в то самое время, когда у нас такое страшное преступление...

– А я завтра поутру в монастырь пойду, послушницей проситься. Терем-то продам. Деньги на богоугодные дела пожертвую. Но ты не горюй, Никитушка, я те своего петушка решила подарить. Не поминай худым словом старуху...

Я пулей вылетел из дома, растолкал удивлённых стрельцов и кинулся к порубу.

– Где дьяк, мать вашу?!

– Дык, как и велено, подзатыльник отвесили да за ворота его.

– Догнать, привести, расстрелять!

– Дьяка братъ – дело шибко опасное, – влез наш младший сотрудник. – Дозвольте пострадать? Самолично за бороду приволочь Филимона Митрофановича...

Я от всей души обнял Митю, расцеловал в обе щеки, развернул к воротам и указал коленом направление.

– А отец Кондрат тут ещё?

– Туточки, – подтвердили стрельцы. – Мы ж его выпустить хотели, а он не идёт.

– Не понял...

– Да вроде как схиму принять решил. Отшельником у нас в порубе сидеть, на хлебе и воде. Говорит, грешен зело, а для моления лучшего места нет, чем узилище милицейское.

Я почувствовал, что робкая мысль о том, что в бабкином перевоспитании виноват вовсе не блудный дьяк, настырно просилась дать ей право голоса. Гражданину Груздеву ни ума, ни фантазии не хватило бы на то, чтоб так запудрить мозг главе нашего экспертного отдела. А вот отца Кондрата даже сам Кощей боится, и я подозреваю почему. Воцерковленный, сми-

ренный и принявший монашеский постриг, гражданин Бессмертный наверняка бы просто заставил свихнуться будущих исследователей мифологии и фольклора. Ну всё, батюшка-а...

– Я в поруб! Если услышите крики задержанного, не вмешивайтесь, производятся профилактически-воспитательные работы.

Стрельцы настороженно перекрестились. Видимо, спорить с опытным священником на теософские темы решались немногие. Фактически никто, ибо рука у отца Кондрата была тяжёлой, а страсти неуправляемые...

– Чего стоим, кого ждём? – вежливо поинтересовался я у четверых еремеевцев, стоявших в очереди у дверей поруба.

– На исповедь и благословение к новому отшельнику-схимнику, – охотно пояснили мне.

– Так, значит, у нас прямо тут, на территории вверенного мне отделения, свой святой нарисовался?

Стрельцы радостно закивали.

– Еремеева ко мне!

– Дык он же внизу, отпущение грехов получает...

И ты, Брут (то есть Фома!), туда же?! Сейчас я спущусь, и он от меня тоже полное отпущение получит! А грех сквернословия на службе, как помнится, не входит в разряд смертных.

– Слушай мою команду, орлы! – рявкнул я, привставая на цыпочки, поскольку самому невысокому едва доставал макушкой до подбородка. – Марш отсюда бегом, и, если ещё раз увижу, что вы в рабочее время помолиться решили, уволю всех к едрёной ёлкиной маме!

Рослых стрельцов как ветром сдуло. А из поруба высунулся их прямой начальник, без головного убора, прилизанный, смиренный и, я бы даже сказал, подавленный.

– Сотник Еремеев?

– Раб божий Фома...

– Прекратить бляньё! Повторяю ещё раз: сотник Еремеев?

– Слушаю, батюшка сыскной воевода! – резко опомнился он, вставая во фронт и нахлобучивая стрелецкую шапку.

– У нас в городе чепэ. То есть чрезвычайное происшествие. Похищены моя жена, Митина подружка и наша общая царица Лидия Адольфина в придачу. Предположительно все трое были захвачены Змеем Горынычем во время мытья в бане, вместе с этой же баней целиком. Есть улика. – Я достал из планшетки найденную на государевом подворье чешуйку и показал Фоме.

Тот побледнел, видимо сопоставив габариты.

– Поэтому приказываю прекратить религиозное одурманивание личного состава. Заняться поиском и опросом свидетелей. Выяснить, откуда мог прилететь Змей и куда он направился? Предпринять все необходимые меры защиты мирных граждан от возможного повторного нападения! Вопросы?

– Нет вопросов. Дело ясное, исполним, как велено.

– Тогда чего стоим?!!

Еремеева сдуло с места так, как, казалось, умеет только Митя, если ему от бабки огрести светит. А может, даже и с большей прытью – Фома у нас служака, каких поискать...

Я спустился по ступенькам вниз. Поруб – это такой вырытый подвал в земле. Небольшая комнатка, три квадратных метра, бабка раньше там припасы на зиму хранила. В порубе и летом температура ниже нуля, а уж зимой хоть тушами мясо храни, никакого холодильника не надо.

С того времени, как мы открыли отделение, этот морозильник сначала использовался как отрезвитель, потом как камера предварительного заключения. А сейчас тут со всевоз-

можным комфортом расположился на двух тулупах тучный отец Кондрат в тёплой рясе, с хорошим провиантом, потрёпанной Псалтырью, медной иконкой в углу и стойким запахом алкоголя.

– Исключительно сугрева ради, – опережая мой законный вопрос, прогудел батюшка. – Без зелья адова голос посадить боюсь, а без голоса как грешников отмаливать...

– Собирайтесь и с вещами на выход.

– Дык я ж задержанный вроде? Покуда срок свой не избуду, вину перед Господом не испущу, из скита сего не тронусь!

– Хватит демагогии! – зарычал я, потому что нервы ни у кого не железные. – Это наш поруб, а не ваш скит. Марш на выход!

– А ты на меня не ори, – приподнялся отец Кондрат, сразу заполняя собой почти всё помещение. – Мне сама хозяйка тут остаться дозволила, богоугодное дело свершив! Я твоих стрельцов на исповедь приглашаю, души их грешные спасаю, благодатью осеняю молитвенно, ибо место сие греховное есть. Гнать меня решил? Без ведома Святого Синода хрен ты меня отсель выковыришь, участковый! На-кася выкуси!

Я легко поймал его за руку с фигой и одним приёмом выкрутил запястье. Батюшка взвыл дурным голосом, бесцензурно помянул всех чертей и, падая, повалил меня на пол, едва не расплющив по причине элементарной разницы в весе. Поэтому, когда этот двустворчатый шкаф в рясе прижал меня всей тушей в угол, я просто боднул его лбом в нос. Что-то хрустнуло, и поруб зашатался от мата православного батюшки! Отец Кондрат от души замахнулся с ответным визитом, но ударить не успел...

– Зачём такой беззаконий тваришь, а? – Прямо из стенки вышел грозный азербайджанский домовый, легко останавливая пудовый кулак нашего «схимника». – Прылична сэбя веди, да? Мой дом, мой двор, мэня тут обижать не нада! Зарэжу, э...

Один миг – и отец Кондрат замер соляным столбом, сведя глаза к переносице.

– Участковый, ты эта... Бабку минэ верни, да? Савсэм плохая стала, с иконой ходыт, манты нэ ест, на минэ пилюёт! Гаварит, я нечисть языческая, да?!

– Нехорошо, – тяжело дыша, согласился я.

– Нехарашо, – серьёзно подтвердил Назим. – Я чэстный домовый, я слова держу. Ты у мэня хоть раз жёсткий долма ел? Я тебе несвежий пахлава хоть раз подавал? Зачём меня нечистью абзывать, э...

– Понимаю.

– Я даже Ваську ей простил, – чуть не плача, шмыгал длинным кривым носом азербайджанский домовый. – Васька гаварит, сам её бояться начал. На хвост ему наступила, да! Зачём так сделала? Она гаварит, тёмный ты. Плахой кот! Нада бэлую кошечку завести, э?!

Да, переклинило бабку не слабо. Вот уж никогда бы не подумал, что она так уйдёт в религию, что даже на своего любимца руку поднимет. Ну или ногу, без разницы.

– Я попробую. А с отцом Кондратом как? Он, надеюсь, ненадолго здесь в прострации будет?

– Скока тибэ нада, стока будет, – широко улыбнулся Назим, обнажая лошадиные зубы. – По лбу одын раз щёлкни, снова нормальный станет!

Я протянул ему руку. Домовой (впервые!) пожал мне ладонь и исчез в стене так же неожиданно, как и появился. Что же тут произошло между моей милой хозяйкой на костяной ноге, котом и заигравшимся батюшкой?

Повторюсь, только теперь до меня в полной мере дошло, почему Кощей так опасался отца Кондрата. И дело вовсе не в каких-то там суперохранных молитвах, которыми настоятель храма Ивана-воина «запечатал» вход в город. Нет, гражданин Бессмертный реально боялся миссионерского дара нашего строптивного батюшки, способного в две минуты сделать из отчаянной главы экспертного отдела богомольную старушку!

Пересекись Кощей и отец Кондрат на узкой тропинке да сцепись языками, и ещё неизвестно, кто бы вышел победителем? Вполне возможно, что наш главный преступник и злодей до конца жизни носу бы не высовывал из своего монастыря под Южно-Сахалинском, двести километров в тайгу, два раза в год почта, едим от цинги шишки и молимся...

Выбравшись из поруба, я кликнул дежурных стрельцов.

– Вынесите отца Кондрата, погрузите в служебную телегу и отвезите к нему домой.

Парни послушно кивнули, а через минуту из-под земли донёлся встревоженный крик:

– Да он вроде как окаменевший?!

– Имеет место быть, – туманно согласился я. – Всё равно выносите и везите. Да, как доставите батюшку в его пенаты, дайте ему щелбана по лбу!

Стрельцы упёрлись рогом. Типа на такое немыслимое святотатство они пойти не могут, хоть увольняй их из органов и первым же этапом на каторгу с песнями про Владимирский централ. И знаете, я на тот момент был совсем не против! Но меня осторожно цапнул за штанину бабкин чёрный кот. Мы обменялись понимающими взглядами, видимо, у него тоже имелся свой личный счёт к отцу Кондрату. А лапа у Васи тяжелая-а...

В общем, десять минут спустя из ворот нашего отделения выезжала скорбная процессия – рыжая кобыла влекла добротную телегу с надписью «милиция» на задке, впереди стрелецкий наряд, в телеге, пузом кверху, отец Кондрат, а на его груди здоровенный кот, чёрный, как мрак преисподней.

Для пуцего эффекта Вася топорщил усы и гнусаво подвывал, щуря огромные зеленющие глаза. Конечно, это производило определенное впечатление – бабы охали, мужики крестились, дети плакали и просили сахарных петушков на палочке. Если вечером к нам не заявится всем парадом возмущённая делегация Святого Синода, это вызовет у меня нездоровое удивление...

– Теперь бабка. – Я улыбнулся своим чёрным мыслям, но другого выхода не было. – Эй, молодцы! Срочно передайте Бабе-яге, что в порубе беда, пусть летит на всех парах!

Двое молоденьких еремеевцев послушно кинулись исполнять приказ. Я же скромненько встал у поруба, неспешно загибая пальцы. Бабка выбежала на счёт раз-два-три.

– Ох, Никитушка, ежели ты тока святого отшельника-схимника чем обидел...

Я пожал плечами и молча прикрыл за ней дверь, щёлкнув засовом. Пусть охладит голову, это помогает. Хотя, конечно, при желании Яга эту дверь одним заклинанием в щепки разнесёт. Но тогда как раз и будет понятно – настоящая бабка вернулась. А это что ещё за шум?

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, а свобода
Мя встретит радостно у входа,
Где мне поставят и нальют! –

в полный голос орал дьяк Филимон Груздев, старательно предваряя будущее рождение бессмертного поэта.

– Волею своею вновь ввергаюсь безвинно в узилище милицейское, аки святой Максимилиан в печи огненные! Аккуратней заноси, ирод, в третий раз скуфейку роняю.

Красный от обиды Митя подобрал головной убор дьяка, плюнул в него и вновь водрузил на макушку задержанного.

– А участковый ваш как есть дурачок, – мстительно и нелогично прокомментировал его поступок Филимон Митрофанович.

– Тащи его сразу в поруб, – попросил я. – Там сейчас будет весело.

– О-о, Никита Иванович, отец родной, – заметил меня старый прохиндей. – Как поживаете, как здоровьечко? А я так по вам молюсь каждый вечер перед сном – храни господь всю нашу милицию...

– В поруб, – твёрдо повторил я.

– За какие грехи наказуешь, сатрап ты бесчувственный?! Морда фараонская...

Спор грозил затянуться надолго, а у меня времени не было. Минутой позже мятежный дьяк-законовец был вежливейшим образом, головой вперёд, закинут в поруб. А дальше мне лишь оставалось считать минуты. Одна – на мат во все стороны, вторая – на вопрос, что здесь делает Баба-яга, третья – а куда делся отец Кондрат? Ну и четвёртая-пятая – «палачи, навуходоносоры, филистимляне беспардонные, заперли безвинно с сумасшедшей старухой, которой Царства Божия не видать как своих ушей, ибо ментам ад и есть дом родной с шестью сотками, раком ходить на прополке, морковь зубами дёргать...».

– Спаси-сохрани мя, Царица Небесная-а-а! – торжественно пропел дьяк Филимон Груздев, вместе с дверьми вылетая из поруба.

Я ошибся ровно на минуту. Это простительно, не учёл бабкиной «религиозности», видимо, первое время она слушала его со смирением. Коротким, как чих...

– Проследить полёт. Найти, выкопать, отпустить с покаянием, – демонстративно перекрестившись, попросил я, и те же молоденькие стрелцы бросились по траектории перелёта дьяка.

– Сурово вы с ним, Никита Иванович, – удовлетворённо повёл плечами Митька. – А теперича что делать будем?

– Ждать.

– Долго ли?

Недолго. Потому что высунувшаяся из поруба Яга не имела ничего общего с той набожной старушкой, за которой я закрывал дверь. Платок был повязан по пиратскому образцу, в глазах плескались оранжевые всполохи, а с тонких губ срывались отнюдь не слова молитвы...

– Пришибу кобеля блудливого! Я тя научу, как лезть к милиции со христосованиями не в пасхальный день! Слюнявыми губами да прямо в ухо, когда у нас такое-то сложное дело о покраже царицы всех сил опергруппы объявилось! Никитушка?

– Да.

– Митенька?

– Здеся, Бабуленька-ягуленька.

– А где ж Васенька мой разлюбезный?

– Видать, хорошему коту в сентябре – март! – не задумываясь, соврали мы. – Поди, уж скоро будет, не замедлится.

– Пойдём-ка в горницу, сокол участковый, – подумав, определилась Яга. – Поговорить надобно.

Я, разумеется, не стал корчить обиженную недотрогу. Усадив меня за стол, бабка первым делом достала из заветного шкафчика полуторалитровую бутылку настойки на рябине с мятой и чабрецом. Молча набулькала в стопку и кружку, стопку пододвинула мне. Сама выпила махом, в три глотка, занюхав одной ноздрей через рукавчик, и уставилась на меня полным раскаяния взглядом...

– Чего, здорово я начудить-то успела?

– Умеренно, – признал я, чуть поморщившись.

Настойка оказалась крепкой, градусов за сорок. Но Яга выпила, даже не ойкнув, видимо, ей оно было надо...

– Тебя ругала?

Я кивнул. Бабка добавила себе ещё, вопросительно изогнув бровь в мою сторону. Я накрыл свою стопку ладонью, мне достаточно. Моя домохозяйка презрительно фыркнула, буркнула себе под нос что-то атосовское, типа «разучилась пить молодёжь», и уверенной рукой набулькала себе третью.

– Вам не много?

– А ты мне не указ. Изменщик коварный...

– Вы опять за старое?

– Да ладно тебе, участковый... Уже и понудеть нельзя, что ли? Ну и?!

Я вздохнул и отнял ладонь от своей стопки, наливайте. К чести Бабы-яги должен признать, что она моей слабостью не воспользовалась и налила не больше половины.

– Давай, сокол ясный, рассказывай! Что за дело, какая беда, почему мы опять за все в ответе и как силами одной опергруппы врага забарывать будем?

Я кротко вздохнул и ещё раз, без нервов, детально и поэтапно пересказал ей всё, чему был свидетель. Наша старейшая сотрудница выслушала меня самым внимательнейшим образом, а потом тихо спросила:

– Дык мы-то тут при чём?

– Мне повторить? Сидим мы с Горохом у него в кабинете, а наши жёны в это время у него в бане моются, ну и...

– Никитушка, ты мне прямо скажи, с какого боку тут мы? – резко осадил меня глава нашего экспертного отдела. – Ежели и впрямь Змей Горыныч трёхголовый баньку с тремя же бабами голыми похитил, дык при чём тут милиция-то?! По совести говоря, тут царю-батюшке войско сильно могучее собирать надобно да на Змея войной идти! Уж победит али нет, про то не нашей голове болеть. А тока органы охраны правопорядка в этом деле никак не замешаны. Не наше оно, а государственное!

Честно говоря, я как-то даже не сразу нашёлся, что ей возразить...

По сути, бабка была права, как ни верти. Если только предположить (не более!), что некий летающий птеродактиль (дракон, динозавр, мифический персонаж) украл, похитил, захватил отдельно взятое помещение с заложниками, то это дело армии, а не милиции. Их много, а нас чуть больше сотни. Если уж совсем точно, то больше на целых три боевых единицы. И что из этого следует? Войско-то не меньше тысячи опытных бойцов, с конницей, дворянской дружиной, пушками плюс ещё и народное ополчение... Куда ещё и нам путаться под ногами...

– Я всё понимаю, но тем не менее у меня стойкое убеждение, что Горох повесит это расследование на нас.

– С какого же бодуна-то, ась?

– С широкого царского самодурства! Так вас больше устроит? Можно подумать, ему хоть раз логические обоснования нужны были?! Да и по совести говоря...

– Вот тока о жене твоей разлюбезной не надо, а? Болит, поди, душа по Олёнке-то?!

Я замолчал. Бабу-ягу не обманешь. Если она с первого взгляда определила, ради кого я участвую в этом расследовании, то дальше всё вообще шито белыми нитками.

Да, я не верю, что кто-нибудь вернёт мне любимую, если я сам за это не возьмусь. Никакая армия, никакое войско, никакие дипломатические усилия или попытка выкупа. Яга это тоже прекрасно понимала, поэтому махнула рукой, попросив посмотреть на улику. Я протянул ей змеиную чешуйку. Она помолчала, пожевала губами, без суеты прокомментировав результат экспертизы:

– А здоровенный змеюка-то будет. В полверсты да весом за шестьсот пудов! Шкуру такенную ни мечом, ни пушкой не прошибёшь. Огнём палит, слюной ядовитую брызжет, ну и зубья с когтями забывать не стоит. Давненько я, старая, таких не встречала...

– Откуда он взялся? Зачем полез в Лукошкино? Если ему нужно было охотиться, разве по деревням и сёлам гуляет мало народу? Он же не мог целенаправленно лететь сюда с целью похитить царицу, Олёну и Маняшу...

– Поди пойми, мог али нет, – задумчиво пробормотала бабка. – Одно скажу твёрдо: не будет он их есть, не боись.

– Уф, – облегчённо выдохнул я.

– Он их за другим делом использует, – с намёком причмокнула губками моя домохозяйка. – Змеи, они завсегда уж такие охальники – ни одну юбку не пропустят!

Я почувствовал, как сознание заволакивает багровая полоса ревности. То есть он их будет...?!

– А ты думал как? – без малейшей жалости добила бабка. – Нешто не помнишь, каким образом Ева в раю со своим Адамом-то согрешила? Змей её уболтал, соблазнил, за то ему в веках и форма такая оставлена...

– Какая? – сипло выдавил я. Фантазия и опыт проверок в секс-шопах быстро подсказали ответ.

– Такая! – уклончиво зарделась моя домохозяйка. – Соответственная мечтам женским. Потому Змей завсегда девиц ворует, к себе в высокий терем несёт, красным молодцем обращивается да жениться уговаривает. А как своего добьётся, дык красавицу-жену со скуки-то и съест!

У меня немного отлегло от сердца. Получается, что этот гад не игнорирует букетно-конфетный период, а значит, у нас с царём есть хоть какая-то фора...

– Сколько времени Змей тратит на ухаживания?

– Да мне-то откуда знать, ко мне ни один не сватался.

– Час, день, два, неделю? Ну хоть приблизительно!

– Не ори, – обиженно отодвинулась в угол Баба-яга. – На Олёнку свою будешь глотку драть. Сказала же, не знаю!

– А кто знает? Давайте у него спросим. Ну, поколдуйте там что-нибудь, погадайте на свече или кофейной гуще. Кто у нас глава экспертного отдела? Надо же что-то делать!

– Про Змея гадать опасно, уж шибко непредсказуема тварь сия, – пошла на сотрудничество бабка-экспертиза, убирая настойку и хлопая в ладоши. Бдительный Назим в одно мгновение перенакрыл стол к чаю. – Садись, Никитушка. Непростое энто дело, и не один час нам с тобой думу думать, голову ломать. Хлебнём чаю свежего с мятой да мёдом гречишным, небось чего и насоображаем...

Я скрипнул зубами, но сел – в пустых спорах толку нет, а идти на принцип не из-за чего. Мы церемонно, молча, почти как японцы, выпили по первой чашке ароматнейшего чая, деликатно черпая ложечками мёд. Не буду врать, что на меня мгновенно снизошло буддистское просветление или состояние безмятежного покоя и душевное равновесие...

Наверное, нет, осознание того, что любимую похитил трёхголовый сексуальный маньяк с крыльями, как у летучей мыши, но под двести метров в размахе, не прибавляло оптимизма. Хотя если задуматься о том, какой характер и норы имеют все три похищенные...

Возможно, этот Змей ещё очень пожалеет о своём выборе.

– Всё. Больше не могу, лопну.

– Дык и шести чашек не выпил, соколик? А может, дозрел уже и до супчику с потрошками?! Вона горшок в печи томится...

– Никита Иванович, бабуленька, извиняйте, ежели что не так, – без приглашения вломился к нам наш младший сотрудник. – А тока не велите казнить, велите слово молвить. Не со зла, не в обиду, токма из любви задушевнейшей к родной милиции, ужо небось, небось...

Митя, похоже, сам забыл, с чего начал и к чему клонит, у него такое бывает. Поэтому он просто уступил дорогу старому боярину Кашкину, который как раз протискивался в двери.

– Здрав буди, сыскной воевода! И ты, хозяйюшка, – от души поклонился гость, придерживая большую бобровую шапку. – Прислан к вам передать царёв указ!

– Да что вы так официально, – приподнялся я, пожимая ему руку.

Старина Кашкин, тощий, седой и не убиваемый никакими хворьями, был одним из немногих бояр, лояльно относившихся к милиции. Более того, он не раз открыто вставал на нашу сторону на заседаниях боярской думы, заветной мечтой которой было сжечь всё отделение, землю засыпать солью и плясать на пепелище голыми по большим церковным праздникам и будним дням, пугая случайных прохожих.

– От чаю не откажусь, коли сама Ягуленька попотчует, – не чинясь, объявил Кашкин, ухмыльнулся в бороду и подмигнул бабке столь откровенно, что ревнивый азербайджанский домовой едва ли не до пояса высунулся из-за печки. – Вот бумага государева. Вслух прочесть али сами грамотные?

– Могу на спор, не заглядывая, угадать, что там написано, – предложил я.

– Вот и чаёк вам подоспел, гостюшка дорогой, – подсуетилась Яга, краснея, как девчонка.

– Из твоих белых ручек и укус медовым покажется. А ежели ещё и ложечку варенья добавишь? Вон того, красного, как уста твои сахарные...

Моя домохозяйка глупо захихикала, быстренько обложив боярина со всех сторон всеми видами варенья сразу. Даже кизилковое на стол поставила, хотя Назим из-под лавки вцепился в крынку и не отдавал нипочем. Ладно, в конце концов, это их личное дело...

– Уверен, что в указе написано примерно следующее: пусть опергруппа срочно разыщет царицу Лидию Адольфину, приведёт на почестен суд Змея Горыныча, войска не дадим, злата-серебра самим мало, а не сможет сыскной воевода своими силами справиться, так в кандалы его и на плаху!

– Молодца, угадал, – кивнул Кашкин, одновременно аплодируя мне и подмигивая бабке.

– Сроку на всё про всё неделя?

– Три дня.

– Облом. А я-то надеялся...

– Ты ещё государю спасибо скажи, что он тебя от допроса с пристрастием спас, – весомо протянул наш гость, дуя на чай. – Подлец Бодров с подпевалами такой хай подняли, хоть всех святых выноси! Дескать, как могли государыню похитить, ежели милиция в тот момент при дворе была? Что ж не спасла, не защитила, не предотвратила преступление супротив царя-батюшки?

– Понятно. То есть то, что он рядом со мной стоял, в расчёт не берётся. Горох никогда ни в чём не виноват?!

– Светлая твоя голова, Никита Иванович, – тепло улыбнулся мне старый боярин и, отставив чашку, встал из-за стола. – За хлеб-соль благодарствую! Пойду-ка, пожалуй, по ветерку.

– Уже? – капризно надула губки Яга.

– Ничего, бог даст, красавица, и ты в мой терем заглянешь, дашь мне, убогому, тебя в ответ сладким пряничком угостить.

– Она пахлаву любит, э?! – ревниво раздалось из-под печки, но боюсь, что мнение маленького гордого домового уже никем в расчёт не бралось. Похоже, моя скромная домохозяйка решила на старости лет менять кавалеров, как перчатки.

– Бабуль, что это было?

– Ты об чём, Никитушка? – закрывая за гостем дверь, опустила глазки Баба-яга.

- Да вы же сейчас тут напропалую кокетничали с боярином Кашкиным!
- Ой, да будет тебе... Напридумашь ещё глупости какие, в мои-то годы...
- Угу. Назима спросим, он свидетель?

– А ну вас обоих. – Бабка фыркнула, задрала нос и с видом оскорблённой невинности удалилась к себе в комнату.

– Надеюсь, вы ненадолго? – громко спросил я. – Вообще-то нам дали всего три дня срока. А потом казнить нас, как мне кажется, будут всех. Или по одному в день, растягивая удовольствие, нет?

– Придумала я, старая, как твоему горю помочь. – Из горницы практически сразу же вышла глава нашего экспертного отдела с большущей антикварной книгой в руках. – Тут, главное дело, правильно вопросы задавать и верный ответ угадывать. Давай-ка Митеньку зови, у него сердце отходчивое, душа чистая, а ежели его каким тяжёлым заклятием в ответ пришибёт, дык его и не так жалко, верно?

Я повёл плечами и кивнул. В вопросах колдовства нашей Бабе-яге равных нет. Эпический персонаж! Куда там чахлым, мокрым Ктулху...

Митя заявился по первому же зову, поперёк щеки у него алели две свежих царапины – следы ногтей (когтей? Тоже не удивлюсь...) драчливого дьяка Груздева. Кстати, не забыть бы потом уточнить у стрельцов, куда его вышибло с нашей дверью. Далеко ли долетел, не имеет ли претензий? Дверь бы вернуть, это ж служебное имущество.

Охнувшая Яга первым делом продезинфицировала раны нашего младшего сотрудника какой-то вонючей жидкостью из пузырьёчка с надписью «Яд» и, отмахнувшись от моего взгляда, спешно усадила нас за стол. Меня во главе, Митю слева, сама села справа, а посерединке поставила здоровенное медное блюдо.

– Ну, теперича всё от вас зависит, товарищи боевые, – значимо, с нажимом на патриотизм, начала бабка. – Я слова чародейские нараспев читать буду да на блюдо вещи разные бросать, а вы, коли чего увидите, дык запоминайте, но руками не лазьте – шибанёт ещё... Сейчас всё принесу.

– А чего увидим-то, бабуленька? – заинтересованно вытянул шею Митька. – Надо ж загодя знать, к чему систему нервную готовить. А то ежели девок пляшущих, с чудесами какими соблазнительными, дак Никите Ивановичу нельзя, он человек женатый.

– Можно, – опроверг я. – Если по службе, то всё можно.

– Угу, как меня костерить за то, что дочку купца Поминкина из горящего сараю на своём горбу вынес, так, значит, и не по службе вроде?!

– Митя, – чуть повысил голос я, потому что ситуация там действительно была двусмысленная. – Во-первых, она сама этот сарай и подожгла. От несчастной любви. Да, дура, согласен! Во-вторых, то, что ты её в одной рубашке из пламени вынес, – молодец, хвалю за усердие! Но какого лешего без протокола ты ей начал при всём народе искусственное дыхание делать?!

– Ошибся чуток... думал, как утопшей надо...

– А на грудь зачем давил?

– Вы сами рассказывали, непрямой массаж сердца...

– Митя, ты ей грудную клетку чуть не сломал!

– Переборщил слегонца...

– А она глаза открыла, тебя увидала и ещё вчера заявление подала – дескать, перевлюбилась без памяти, и, ежели я ей тебя не выдам, она уже избу подожжёт!

– Дык я ж...

– У соседей!!!

Митя опустил голову и глухо пробормотал:

– Чё ж мне, за свою доброту да служебное рвение опять жениться придётся...

– Наговорились, сотрудники? – Баба-яга вернулась за стол с целой коллекцией разнообразных предметов и пузырьков. – Ну, коли про девок всё выяснили, давайте нашей царицей да её подружками займёмся. Ещё раз говорю: смотреть, запоминать, спросить чего захотите – спрашивайте, тока руками не лапать!

Мы прекратили цапаться и послушно кивнули. Опыт общения с бабкиным колдовством имелся у обоих. Митю в щенка и петуха превращали, меня – в барана, зайца и даже (стыд-позор!) в двоюродную сестру нашего Гороха, царевну Марьяну. Ныне, кстати, счастливо проживающую с законным мужем где-то на стыке польско-литовско-русской границы. А ведь помнится...

– Как в чистом колодце небо с водой сходится, так на дне болотца нечисть всякая водится, – распевно начала бабка, и мы притихли уже окончательно.

Митька из суеверного страха, а я по причине отчаянного любопытства. Вот выйду на пенсию, вспомню всё, возьмусь, обработаю, да и пущу в печать сборник лучших заклинаний старорусской прикладной магии от самой Бабы-яги. Тираж будут расхватывать, как горячие пирожки в новогодние гулянья...

– Три девицы под окном внутри бани голяком мылись, парились, разговаривались! Кто про что мечтал, кто про что молчал, отведи нас вода до начала начал! Хорс по полю прыскает, рысь по лесу рыскает. А ты дунь горячо, а ты плюнь через плечо, раскрывай, вода, свои невода-а...

Середину я успешно пропустил, обидно, но Яга никогда ничего дважды не повторяет и записывать в блокнотик не позволяет. А над водной гладью в блюде действительно закрубились пар с явным запахом берёзовых веников. Из этого пара вполне себе слепились три женские фигуры со смазанными лицами, одетые в чём мать родила. Впрочем, опознать всех не представляло сложности: царица была самая высокая и широкоплечая, а Маняша ниже всех, но шире в бёдрах. Моя Олёна – идеальная золотая середина. Красивая-а...

– Чего губы раскатали, охальники, – беззлобно вернула нас в реальность глава экспертного отдела. И вовремя, потому что у Мити уже слюна побежала...

– Вы не на прелести девицы облизывайтесь, а по делу ситуацию наблюдайте. Вона царица, кажись, на лавку легла. Жинка твоя ей спину мылит. Туда-сюда мочалкой водит. От затылку вплоть до...

– Ещё, бабуль! – не выдержал Митька. – До чего ж срамотища-то интересная!

Я несильно дал ему по шее, и в этот момент изображение затрясло. Фигуры словно бы задёргались, как при ускоренной перемотке фильма, и Яга быстренько плеснула на поднос синюю жидкость из пузырёчка. Всё чудесное изображение вмиг стало ультрамариновым, зато чётким и без ряби.

– Смотрите-ка, стало быть, вот в этот момент Змей лютый баньку когтищами подхватил да и в небеса поволок. Бедные девки, а?

Ну не знаю... Митяй фыркнул первым. Я вновь поднял руку для подзатыльника, но, не удержавшись, хихикнул сам. Минутой позже мы уже все трое, не стесняясь, ржали как сумасшедшие, глядя на то, как смешно, нелепо и прикольно катаются внутри бани три девицы, поскальзываясь на мыльном полу, сбивая друг дружку и летая от стенки к стенке в тазиках. Нет, им там было горе, спору нет, но нам тут никакого кино не надо!

– Кобели вы все и есть! – отсмеявшись, заявила Баба-яга и добавила в тающее изображение пригоршню белого порошка.

Фигуры замерли, было видно, что они к чему-то прислушиваются. Потом вроде как открылась дверь, и в помещение вошёл мужчина. Причём вошёл меньше чем на пару секунд, потому что почти сразу же был атакован тремя деревянными тазиками и вылетел обратно. Да, наши девчата умели за себя постоять! А потом изображение резко пропало...

– Что, всё, чё ли? – обиженно надул губы наш младший сотрудник. – А продолжение где?!

– Видать, всё, – развела руками наша домохозяйка. – При сём деле тока вода и была в свидетелях. Чего не знает, врать не станет, чего не видела, не покажет...

– Значит, сразу после этого Лидия, Олёна и Маняша вышли из бани, – предположил я. – Это логично, чего им там сидеть. Наверняка они попытались разобраться с похитителем и вырваться на свободу.

– Из Змеева логова не сбежишь, соколик...

– Тогда надо готовить диверсионный отряд, идти туда и вызволять наших силой.

– Всё верно, да только туда – энто куда?

– Я думал, вы знаете.

– Не знаю, – повесила нос бабка. – Вот те крест, не знаю, не приходилось на узкой тропиночке сходитья. Однако мыслишка есть одна. Да тока опасная...

Можно подумать, хоть когда-нибудь было иначе. Разумеется, я сразу подтвердил, что ради спасения своей молодой супруги пойду хоть на край света. Ну и если до кучи надо спасти одну царицу и одну крестьянку без коровы, ладно, почему нет...

– Митеньку с собой возьмёшь.

– Дык я завсегда с радостью! Меня ж хлебом не корми, дай на задание опасное сходить с Никитой Иванычем. Когда ещё шанс появится буйну голову сложить?

– Под землю пойдёте, – предупредила Яга. – В царство тёмное, глубокое, куда живым с этого свету ходу нет. У меня там три сестрицы есть, покойницы...

Наш младший сотрудник без предупреждения ушёл с лавки в обморок, лбом в пол.

– Всё так же мертвецов боится, дурашка. Я тебе, Никитушка, вещицу заветную дам, рушник то исть, будешь умываться, завсегда им утирайся. Да тока смотри, в царствии подземном ничего не ешь и не пей! Иначе дороги назад не будет...

– Бабуль, вы не нагнетайте так уж, – попросил я, похлопывая Митьку по щекам. – Уже одного сотрудника потеряли. Куда я его в таком виде потащу?

– Дык он сам за тобой побежит, аки пёс верный!

– Протестую, – только и успел сказать мигом пришедший в себя Митя.

Саму суть протеста он озвучил нам уже возмущённым лаем. Передо мной сидел здоровенный дворовый пёс, бело-чёрно-рыжий, лохматый, и только знакомые голубые глаза с длиннющими ресницами выдавали в нём младшего сотрудника нашего отделения.

– Бабуль, – строго попросил я.

Яга цыкнула зубом, и дворняга тут же превратилась в нашего прежнего Митю. Он показал бабке язык, нахально улыбаясь, попытался почесать себя левой ногой за ухом на собачий манер и...

– Чёй-то? Кажись, заклинило меня-а...

– Энто тебя Господь наказал, чтоб не издевался над старыми людьми, – фыркнула бабка.

– Никита Иванович... отец родной... ногу из-за башки вытащить поспособствуйте!

Я сдвинул брови, упёрся левой рукой ему в лоб, а правой потянул за лапоть сорок пятого размера.

– Ай-ай-ай!!! Сломали-и... али ничё так?

– В Индии йоги две ноги таким образом закидывают, и ничего, только духовный рост прёт. Собирайся, Мить, служба ждать не будет.

Наш умник встал, поизображал головную боль, хруст в шее, хромоту, растяжение связок, понял, что не прокатит, и быстренько метнулся во двор выпрашивать у стрельцов пищаль в долг до вечера, на задание.

Баба-яга неделикатно захлопнула дверь за двухметровым героем и обернулась ко мне:

– Слушай сюда, участковый. В царство подземное я вас самолично доставлю, но там, на месте, уж всё своим умом решай.

– Бабуль, вы за меня не пере...

– Цыть, – беззлобно попросила глава нашего экспертного отдела. – Дело одно тебе знать следовало, а как сказать, не ведаю. Стесняюсь-а...

– В смысле?

– Молодая была, глупая, нагрешила изрядно. А у ты чего, внебрачных детей ни разу не было, что ли?!

Честно говоря, после таких её слов мне понадобилось сесть. А бабушка-то у нас, оказывается, полна сюрпризов...

– Ничего тебе больше не скажу. Сам всё поймёшь, – твёрдо решила Яга. – Иди уже. Вона тока рушник с собой возьми.

– В смысле?

– Ох ты ж неуч! Ну, ширинку возьми!

– Чего???!!!

– Полотенце! – окончательно потеряла терпение моя домохозяйка, швыряя в меня широкую полосу плотной белой ткани с вышитыми петухами.

На минуточку мне стало стыдно: далеко не все древнерусские слова имеют такое же значение в моём мире. Ладно, как-нибудь справимся. Главное...

– Минуточку, а что я, собственно, должен сделать там, в Подземном мире?

– Дык скока ж можно твердить, Никитушка?! Информацию! Её, злодейку, раздобудь! Всё, что этого Змея касается: откуда взялся, где живёт, какую силу имеет, чего боится, где смерть свою прячет? Нам всё знать надобно!

Я козырнул, вытянувшись в струнку. Хотя начальник отделения никак не эта милая старушка с кривым зубом и бородавкой на носу, но именно бабка порой натягивает вожжи так, что с ней спорить – проще застрелиться. И это ещё самый безобидный вариант. Провести остаток жизни превращённым в табурет или лапоть, по-моему, куда хуже...

...Мы вышли во двор. К вечеру уже похолодало, но, покуда осень не взяла своё, можно было насладиться последним теплом улетающего лета.

– Фома, пригляди за порядком, – на всякий пожарный попросил я, и без того прекрасно зная, что могу на него положиться.

Еремеев молча кивнул, он умел не задавать лишних вопросов.

Митя топал за мной, как дрессированный медведь. У меня складывалось впечатление, что он не то чтоб так уж боится, а скорее как-то отлынивает, что ли... Неужели всё это из-за той девицы Маняши, дочери кузнеца, из его же родной Подберёзовки?

– К колодцу подойди, Никитушка. И ты, орясина дуболомная, рядышком становись.

– Как на расстреле, – задумчиво буркнул Митяй, но тем не менее послушно встал слева от меня.

– Ну что ж, сотрудники верные, соратники надёжные, товарищи бессменные, – поочерёдно перекрестила нас бабка, – на святое дело идёте, девиц безвинных да жён законных из плена вражьего вызволять. А я покуда тут вас ждать буду, дела решать экспертные...

– Договорились, – кивнул я, не чувствуя подвоха. – Ваше полотенце у меня. Куда и как выдвигаться?

– Дык туда.

– Куда? – не поняли мы.

– Туда, туда. – Яга указала узловатым пальцем на колодезный сруб.

Мы с Митей автоматически плюнули внутрь. Холодная синяя вода плескалась внизу на глубине пары метров. Это в смысле нам туда?! Нет, конечно, я очень люблю Олёну, но...

– Батюшка сыскной воевода-а! – окликнули меня от ворот дежурные стрельцы. – Куды дьяка прикажете складировать?

Я обернулся на миг, и это меня сгубило. Короткий толчок в грудь. Чирикнуть не успел, полетел головой вниз, пятками вверх, так что только булькнуло. В себя пришёл, лёжа на мягкой траве, в висках слегка гудело, но вроде ничего не сломал, и одежда была сухая.

– А... Митя где? – неизвестно у кого спросил я.

Тут же раздался мат-перемат, и туша моего младшего сотрудника рухнула сверху. По счастью, я хоть как-то успел откатиться в сторону, и Митька брякнулся на нагретое место.

– Никита Иванович, вот что она творит, оглоедка старая?! Рази ж можно так вот, без предупреждения, в прыжке, пяткой в лоб?! Я ить в следующий раз могу и сдачи дать, с меня станется, вона скока раз на голову ушибленный...

Учитывая, что наш младший сотрудник может излить душу на эту тему и час, и два, и три, пока не остановят, я предпочёл отключить слух и оглядеться. Место, в которое мы попали, не имело ничего общего с классическим понятием о Подземном мире. Никаких тоннелей, пещер, сводов, мрачных потолков, сырой земли, темноты и грязи. Скорее прямо наоборот – светло как днём, солнца не видно, но небо над головой есть, под ногами зелёный газон, с трёх сторон шумный лес, а на горизонте крепенькая крестьянская изба, окружённая невысоким забором. Как по мне, так вроде всё вполне себе прилично, но неугомонный Митяй и тут испортил всю малину.

– Ох ты ж мне, сироте, безвинно брошенному! Вижу, вижу домовину страшную, избу ужасную! Как вокруг той избы тын тесовый, а на тыне том черепа скалятся-а! А два кола голы стоят, так небось по наши головушки-и...

Я приподнял его за шиворот и встряхнул:

– Мить, ты чего несёшь? На фольклорный фестиваль в Мюнхен собрался?

– Дык черепа же!

– Мить, они мышинные, – пригляделся я. – Самый большой, у ворот, кажется, птичий. Ворона какая-нибудь сдохла. Человеческих ни одного нет.

– Наши первыми будут?

– Не нагнетай. Приказываю сию же минуту прекратить слезоразлив до подбородка и соплеразмаз до ушей как поведение, недостойное сотрудника правоохранительных органов. Разберёмся...

Орать он, естественно, прекратил сразу, но за мной не пошёл. Выждал, пока я дойду до ворот, постучу, и только тогда осторожненько засеменял следом.

Раздался скрип отодвигаемого засова, и ворота распахнула очень милая девушка лет восемнадцати – двадцати, хорошо одетая, но почему-то с парой перьев в голове.

– Хау, скво! – не задумываясь, ляпнул я. – Пусть Великий Маниту будет благосклонен к твоему вигваму и дарует твоей семье много бизонов.

– И вам не хворать, добры молодцы, – ни капли не смутившись, ответила девушка. – Дело пытаете али от дела лытаете?

Я на миг ступил, потому что попытки в отделении не практикуются, это вам скорее к царским палачам надо. А слово «лытаете» я вообще не понял. Выручил подоспевший Митя. Он скорчил жалобное выражение лица и заканючил, как профессионал на паперти:

– Ох ты гой еси, красна девица! А пусти нас в дом, тихих странничков! Тихих, скромных да богобоязненных. Ибо ножки наши притомилися, ручки опустилися, белы лица пылью припорошены...

– Хм... он у вас всегда такой?

– Нет, первый день, – признался я. – Сам удивлён. Но вообще-то мы сверху упали, мог и ушибить не то полушарие мозга.

– Сверху, говоришь? – вскинула чёрные брови девушка. – Ну тогда заходите, гостями будете. А если мой муж прилетит, так я вас спрячу, уж больно он сердит...

В какой-то момент я почувствовал себя телегероем мыльной оперы на древнерусский манер. Если Баба-яга действительно закинула нас в настоящую сказку, то стоило хотя бы предупредить. Я же тут ничего толком не знаю. На Митяя надежды мало, он из себя юродивого корчит, а время не терпит: где-то там наверху три пленницы ждут помощи от милиции. И одна из них моя жена!

– Мы можем и не заходить в дом, чтобы не нервировать вашего супруга. Просто скажите, вам что-нибудь известно о Змее Горыныче?

Девушка вздрогнула, прошептала «чур меня!», сплюнула через левое плечо и метнулась к избе. Собственно, нам ничего не оставалось, как проследовать за ней. Ладно, я смирился с тем, что в этом времени все вопросы разрешаются либо за накрытым столом, либо в бане. Куда нас, я надеюсь, не поведут?! Не то чтоб я так уж против, но ситуация не та...

– Отведайте сперва хлеба-соли, гости дорогие, – в пояс поклонилась нам хозяйка. – А уж потом я вам всю правду расскажу. Угощайтесь!

Мой двухметровый напарник только сглотнул слюну, глядя на здоровущего печёного гуся, лежащего на глиняном блюде посреди богато накрытого стола. Я же, вспомнив совет Яги, демонстративно отодвинул каравай хлеба и повторил вопрос:

– Ещё раз, пожалуйста: что вам известно о Змее?

Ответить девушка не успела. Она собиралась, честно, но в ту же минуту изба явственно вздрогнула, за окошком зашумел ветер, послышался отдалённый раскат грома, и хозяйка сделала испуганные глаза:

– Муж возвращается! Прячьтесь скорее, а то уж больно он строг – съест вас, и не помилует!

– Э-э... – Двусмысленность нашего положения не позволяла задавать более внятные вопросы.

– В шкаф, – мигом определила девушка.

Я бы даже отметил, что сказала она это каким-то профессиональным тоном, словно бы заученно повторяя одни и те же слова уже в сотый раз. Нас с Митькой практически запихали в старый допотопный шкаф, стоящий в углу. Хотя вроде бы в русской сказочной реальности шкафы не использовали, там всё больше сундуки были, как помнится, но нас сунули именно в шкаф. И, кстати, жутко неудобно сунули, мы с Митей оказались сплюснуты в таких позах...

– Заходи, друг любезный, муж мой верный! Как летал-гулял? Чего на свете божьем видывал? – раздался еле слышимый голосок запершей нас хозяйки.

– Много я летал-вылетал, по всему свету гулял-гуливал, изголодался-стосковался весь, – ответил незнакомый мужской голос.

Мы с Митькой затаили дыхание...

– Ох, какой гусь! Какой стол! Какая жена моя красавица, хозяйюшка! А что... что-то тут русским духом пахнет?..

– Митя?! – сквозь зубы зарычал я.

– Ни-ни, Никита Иванович, – упёрся он. – Не я энто! Мне хучь и страшно, но воздух не испортил, держуся!

– И что ты, мил-дружочек, – впелась девушка, явно пытаясь нас защитить. – Это ты, поди, по святой Руси гуливал, вот тебе русский дух повсюду и чудится...

– Ой, а не врешь ли, не лукавишь мне, свет Авдотьюшка?

– Вот, стало быть, как её кличут, – прошептал поверх моей фуражки вспотевший Митя. – Дунька, значит. А Дуньки, они хитрые-э...

– В смысле?

– Небось отмажет, – пояснил он, но не прокатило.

– Чую, чую дух русский, – громко вскричал мужской голос. – Не хочу более мяса гусиного, хочу человеческого!

– Мама-а! – в один голос простонали мы с Митькой.

– Так, стоп. Ещё раз! Да, поди, ты, милый, на Руси-то летал-полётывал, русским духом надыхался, вот он тебе и мерещится, – почти слово в слово мягко повторил женский голос, и вслед за этим раздался долгий звук поцелуя.

– Я ж говорил, что отмажет, – чуть ли не со счастливыми слезами протянул мой младший сотрудник.

– Ох ты ж мне, жена коварная, девица лукавая, баба обманная! – тут же взревел мужской бас. – Опять за старое взялась да в шкафу любовничков прячешь?! Вот я вам всем ужо задам!

Чего «ужо» он нам задаст, думать как-то не хотелось. Поэтому, как только неизвестный шагнул к шкафу, мы, не сговариваясь, ударили плечом в створки. Эффект превзошёл все ожидания...

– ...ять! – только и успел чирикнуть утерянную букву русского алфавита невысокий усатый мужичок в чёрной рубахе и штанах с люрексом.

Авдотьяин, как я понимаю, муж перелетел через стол, сбил герань на подоконнике и замер у стены лаковыми сапогами вверх. Господи, да в нём полезного росту метр с кепкой в прыжке! Стыдоба-то какая-а...

– Грех на вас, Никита Иванович, – удовлетворённо отметил мой напарник, вежливо выпихивая меня пузом из шкафа. – За что пришибли недомерка женатого? Хозяюшку нашу, ласковую, вдовой оставили? Эх, провалиться мне со стыда как сотруднику милиции...

Я даже не стал на него отвлекаться, в следующий раз дам по башке, сейчас были дела поважнее.

– А-а-ай, и на кого ж ты меня покину-ул?! – скрестив руки на груди, привычно заголосила Авдотья.

Я отодвинул её в сторону, перевёл мужичка в вертикальное положение, похлопал по щекам и начал обмахивать бабкиным полотенцем. Сморчок с усиками отказывался приходить в сознание, зато хозяйка мигом перестала орать. Резко, как будто её колонки просто отключили от питания.

– Матушкина ширинка?

– Э-э... это полотенце, – поправил я на всякий случай.

Однако Авдотья выхватила у меня из рук бабкин подарок.

– Откуда у вас это?

– Баба-яга дала. Мы с Митей живём у неё на квартире. В смысле там, наверху, в Лукошкине, первое отделение милиции открыто именно в тереме Яги.

– Матушки моей, – тихо склонила голову хозяйка, а её побитый муж резко перестал притворяться и, бодро хлопнув в ладоши, заявил:

– А не выпить ли нам по сему редкому случаю? Уж больно нечасто к нам в избу гости от любимой тётчи заглядывают, а?!

Ну, как вы понимаете, вскоре мы сидели за общим столом, успешно забыв о наказе «ничего не есть», и после подробного рассказа о жизни нашей эксперт-криминалистки с бородавкой на носу я наконец смог перейти к делу. Далее сухо и по существу.

Тесть Бабуленьки-ягуленьки, явно полукриминальный элемент, носил воровскую кличку Ворон. Как я понимаю, он умел оборачиваться этой самой птицей, летал в Верхний мир и тырил там всё, что был в силах унести. Правда, подобное поведение больше приличествовало сороке, но не мне судить их семейку. Тем более что тот же Ворон честно пытался нам помочь...

– Про Змея лютого мне известно мало, на разных высотах мы с ним парим. Да и небезопасно мне к нему близко подлетать, ещё в штопор завертит...

– Законы аэродинамики, – пояснил я любопытному Митяю. – Воздушный поток от большего объекта создаёт вихревую воронку, в которую может быть затянута более мелкая посудина.

Ворон, кстати, ни капли не обиделся на сравнение с «посудиной» и продолжал, закусив грибочком:

– Летает он, гад, быстро. Крылья вострит на запад. Далеко ли, близко – не ведаю.

– То есть может и менять курс?

– Энтот всё может. Бывает, летит себе, никого не трогает, а бывает, и огнём в кого плюнет. Не по делу, а так, шутки ради али от настроения поганого...

– Почему раньше мы его не видели?

– Змей своим умом живёт, никому не служит. Может в своих хоробах спать, да не ночь, не две, а хоть целых сто лет! У него с того сна только силы прибавляется...

Я взял этот момент на заметку. Быть может, злодей потому и меняет женщин, что те попросту не дают ему выспаться?

– А более мне про того Змея ничего и не ведомо, – развёл руками хозяин, привстал, сунул руку в штаны, пошарил сзади и вытащил нам здоровенное воронье перо. – Надо вам, гости милицейские, к моему брату названому идти. Он на Дунькиной сестрице женат, так что по-любому, раз тёща одна, стало быть, родня. Да тока там ширинка вам не поможет.

– Это полотенце, – зачем-то упёрся я.

– Перо моё держи. Как пред братцем моим названным махнёшь, так и проси у него, чего хочешь.

Я понял, что нам деликатно указывают на дверь. Пока прямо не послали по известному маршруту, оставалось лишь поблагодарить за содействие, быстро собраться и, утянув за собой напарника, покинуть дом супругов Воронов.

Митяй, кстати, упирался изо всех сил, ноя, что хозяйка якобы делала ему из-под стола тайные знаки интимного характера, показывая то на веник, то на ухват, то на скалку. Лично я бы интерпретировал это как «выметайтесь, не то схлопочете», но у парня были какие-то иные ассоциации...

До жилища второй дочери Яги дошли довольно быстро, поднялись на пригорок, а уже там, за перелеском, виднелся сизый дым из печной трубы. Пошли, что делать...

– А какая бабуля-то у нас таинственная, а? Это ж надо, скока времени в одной опергруппе служим, а она ни разу и словом о дочерях своих не обмолвилась. Врала, дескать, всю жизнь ни детей, ни плетей! С чего бы так, Никита Иванович? Нешто она их стыдится али они от неё нос воротят?..

Я молча пожимал плечами. Сколько помню русские народные сказки, личная жизнь Бабы-яги всегда была покрыта тайной. Кто-то считал её дочерью или даже бывшей женой Кощея Бессмертного. Но мы-то точно знаем, что это не так. Видели их вместе – антагонисты круче, чем Куба и США...

Кто-то писал, будто бы наша Яга была первой языческой богиней и занималась безотказным сексом в бане с каждым заезжим гостем во имя плодородия и разнообразия кровей. Повтори этот умник свою версию в лицо нашей бабушке, и хоронили бы потом лишь обугленные подошвы от ботинок теоретика. И то не факт, может, даже и пепла бы не осталось...

Кто-то искренне почитал бабулю людоедкой, специализирующейся в основном на женщинах и детях. Уверен, что и это враньё. Да, характер моей домохозяйки порой как гвоздь в табурете – раз сядешь и с воплем вверх на полметра, но!

Детей бабка любила, даже на самых хулиганских уличных мальчишек голос не повышала, а девчонкам так ещё и петушка на палочке дарила не задумываясь. И дети соседские

к ней тянулись, чувствовали её доброту, хотя родители, конечно, пугали: вот не будешь слушаться, придёт Баба-яга – костяная нога и заберёт тебя в милицию!

Про версии типа «само имя Баба-яга произошло от татарского Бабай-Ага, то есть старый хан, забирающий в плен русичей во времена татаро-монгольского ига...» – я умолчу. Назвать бабушку дедушкой и не поморщиться – это уметь надо...

– Вернёмся в отделение, сам у неё спросишь. А пока, – я постучал кулаком в добротные тесовые ворота, когда мы добрались до места, – доставай воронье перо, будем перед хозяином махать.

– Энто, что ли? – Он протянул мне чёрное перо, брезгливо держа его двумя пальцами. – А вы видели, откуль он его выдернул?

– Подозреваю, что из гузки, – скрипнул зубом я. – А что, у нас есть другие варианты?

– Нетути, – вынужденно признал Митяй и так грохнул кулаком по воротам, что пара досок хрустнула.

– Ой, бегу, бегу, гости дорогие! – раздался счастливый женский голос, и буквально через минуту ворота нам открыла грудастая девица лет двадцати пяти, с румяными щеками, в обтягивающем сарафане и с бутылью самогона в руках.

Интересно здесь встречают гостей...

– А я уж и притомилась в ожиданьице, – тараторила, как я понимаю, средняя дочь Бабы-яги. – Мужа-то дома нет, а одной скукота, и словом перекинуться не с кем. Я уже и стол накрыла, и бутыль из поруба достала, думала, одна буду слёзы лить, а тут вы! Радость-то какая, а?! Праздник, праздник!

Собственно, мы ещё с прошлого угощения проголодаться не успели, а нас уже усаживали на второй раунд. На этот раз во главе стола красовался целиком запечённый кабан с большущим ножом в боку.

– Кто у нас супруг? – несколько нервно поинтересовался я.

Ответить гостеприимная хозяйка не успела, потому что в тот же момент грохнул гром, в лицо ударил горячий ветер, а в горницу через распахнутое окно влетел здоровый ястреб с самым недружелюбным выражением лица. Лица, морды? Ну чего там у птиц, а?

– Митя, перо покажи.

А смысл?! Рыжий ястреб клювом вырвал воронье перо у перепуганного Мити, в мгновение ока разодрал его (перо!) в клочья и кинулся на моего напарника. От тяжёлого удара грудь в грудь Митя улетел через стол, сбив блюдо с кабаном. Ястреб пикировал на меня сверху, но я чудом успел подставить бабкино полотенце и, держа его за оба конца, поймать голову хищной птицы в тиски. После чего завернул сплеча вниз. Ястреб дёрнулся и клюкнулся клювом в пол.

Всё. Надеюсь, не насмерть?

– Ох и спасибо тебе, добрый человек, что меня, жену замужнюю, горькой вдовой обернул, – с тихим присвистом, сквозь зубы, протянула хозяйка, выдёргивая из кабаньего бока полуметровый нож.

– Извините. Не хотел. Но он же первым начал! – принимая боксёрскую стойку, напомнил я. – А мы, кстати, из милиции. В смысле от вашей...

– Энто что у тебя в руках, добрый молодец? Никак ширинка матушкина...

– Ширинка у меня на брюках, – устало упёрся я. – А это полотенце. В крайнем случае рушник, по-вашему.

– Матушка-а родна-а-я, – сентиментально выдохнула хозяйка и, присев в уголок, без предупреждения залилась слезами.

Мой напарник меж тем пытался аккуратно снять с себя бессознательное тело крепкого мужчины с рыжей бородой, в красных одеждах и коричневых сапогах. Неужели все дочери Бабы-яги выходили замуж за каких-то ненормальных птиц-оборотней?!

– Никита Иванович, куда прикажете психического складировать?

– Да вона на лавочку положь, – на миг отвлеклась хозяйка и вновь обернулась ко мне: – Откуль у вас ширинка матушкина? Ежели по добру делу пришли – помогу вам, а коли уж воры да разбойники – пощады не ждите... Убью сковородкою на том же месте!

Ну и далее, как вы понимаете, мне пришлось по второму кругу объяснять, кто мы, зачем пришли, наши отношения с Бабой-ягой и цель нашего пребывания в Нижнем мире. Грудастая девица с шолоховским именем Аксинья выслушала внимательно, пару раз задала уточняющие вопросы (внешность Яги, особые приметы, имя кота и т. д.), после чего милостиво признала, что я не вру.

– Верю тебе, участковый. А только ежели ты думал от моего мужа про Змея узнать, так то напрасно. Шибко горяч он у меня. Чуть что не по его, так сразу в драку лезет, сил не соизмеряючи. За тем делом и мозг себе птичий отбил преизрядно...

– Понимаю, – кивнул я. – Но что же делать? Мы до сих пор не знаем точного места жительства этого проклятого Змея. А у него в плену моя жена и Митина невеста.

– Насчет невесты не преувеличивайте, Никита Иванович, – тут же вмешался Митяй, но Аксинья не обратила на это внимания, занятая своими мыслями.

– Добро. Помогу, чем могу. Многого не знаю, однако ж слыхала от мужа, будто бы летал он на восток, а оттуда на север, а с севера на запад и там видел Стеклянную гору. Вот на той горе и стоит дворец Змея Горыныча!

Я обхватил голову руками. Восток, север, запад. Стеклянная гора, дворец, шиза полная...

Аксинья меж тем, не замечая, как воодушевлённый Митя пялится на её грудь, продолжала грузить нас совершенно невнятной информацией. Типа победить Змея нельзя, ибо он божество древнее, индусско-скандинавское, силы немереной, красоты неопишуемой, куда там Баскову, и никакой ржавый меч царя Гороха ему не помеха. Собственно, это и было единственно полезным фактом. Даже если мы вновь вытащим легендарный меч Бовы-королевича, то всё равно на всей Руси не нашли бы богатыря, способного управляться с ним в реальном бою. Оптимизма это не добавило...

– Может, ещё у вашего мужа спросим?

– Ага, ежели он к завтраму в себя придёт, – с уверенностью хмыкнула хозяйка. – Пьёт же, зараза. Как свинья нажирается! А потом же бросается на людей без спросу, без повода. Мне уж и стыдно, и больно, а что поделать – терплю, раз жена... Куды деться-то?

– Никуда, – уныло вздохнул я.

– Да вы уж не огорчайтесь так, Никита Иванович, – приобняла меня средняя дочь Яги, жарко дыша в ухо. – Помогу я вам, добрым молодцам! Как из дому нашего пойдёте, левой руки держитесь. Долго ли, коротко ли, а увидите на холме высокий терем. Там сестра наша старшая живёт, уж она-то всё про Змея знает. А не она, так муж её верное слово скажет...

Насчёт «верного слова» я, конечно, крепко сомневался. Мы уже две семьи опросили по интересующей нас теме, а толку ноль. Какие-то сказки про восток, север, запад, Стеклянную гору, сон по сто лет и прочая невнятная фигня.

Хотелось бы чего-то более серьёзного, а не панических воплей о том, что Змея любому одолеть нельзя. Мы же и самого Кощея Бессмертного арестовывали! Не то что перелётную ящерицу с креном на сексуальной почве...

– Вот, на, участковый. – Хозяйка, не стыдясь, запустила руку мужу в штаны на заднице и протянула мне рыжее в крапинку перо. – Ежели перо энто в том тереме покажешь, так тебе всё мёдом мазано будет. А коли где потеряешь, так уж на себя пеняй, моей вины в том уж нет...

В общем, как вы понимаете, ушли мы несолоно хлебавши. Это если выразаться на местный манер. Я бы просто написал – облом. Можно даже так: облом-с...

Митю я вытащил за шиворот, он явно попал под обаяние объёмистой в нужных местах красавицы Аксины. Мне же никаким боком не улыбалось дожидаться прихода в сознание второго тестя Бабы-яги. Мы вышли за ворота и, как было указано, пошли по тропиночке, ведущей налево.

Я молчал. Митя нёс несусветную пургу, он это любит и умеет...

– И чего мы от них так скоро рванули-то, а? Ну вы, понятное дело, человек окольцованный, а я парень молодой, холостой, невенчанный! Ежели вам Маняша чего и наплела, дык Христом-Богом клянусь, не было у нас ничего! То исть в смысле, чтоб ей потом ко мне в Лукошкино в гости ездить, точно не было! Тем более с коровой! Да вы ж её видели, дуру рогагую. Нешто я там, в Подберёзовке, каждой корове обещания раздавал?!

Насчёт той домашней скотины он, конечно, был прав. Мы с этой коровой встречались пару раз на узкой тропиночке, впечатления на всю жизнь, и далеко не самые радужные.

– Так я к чему речь-то веду, Никита Иванович, отец родной, может, вы к третьей сестрице сами заглянете, а я покуда к гражданке Аксины с ответным визитом наведу? Ну, покуда её муж спит! По делу, не просто так, может, она чего полезного для следствия сообщить подзабыла? А со мной-то враз припомнит, верно?

– Митя, уймись.

– А хотите, я вам под это дело историю жалостливую деревенскую поведаю?

– Опять Шекспира пересказывать будешь?

– Да тьфу на вас, Никита Иванович! И на Шекспира вашего в придачу. Другую историю расскажу. Печальственную-у...

Я махнул рукой, потому что отвязаться всё равно никакой возможности не было. Ну вы же его знаете, значит, и меня поймёте, правда? Сюжетную канву я уловил где-то к середине текста...

– Стало быть, дружбаны и уговорили Одеську на разборки идтить. Он бы сам и не хотел, у него жена молодая, да и сын подрастал. К тому же дорожка ихняя затянулась, ой затянулась-а-а... То пьянка, то драка, то на мужика одноглазого нарвались, то не по тем звёздам в море пошли! Однако ж возвернулся он домой после десяти лет странствий, так его тока собака и узнала. Старый, небритый, одет, как пугало деревенское, а на двор его уж и женихи богатые съехались. К евонной «вдове» толпою сватаются, а она ни сном ни духом, что Одеська-то как есть живой! И взял он...

– И взял он лук да пострелял всех претендентов без суда и следствия, – на автомате продолжил я. – Милиции на твоего гражданина Улисса не было.

– Улиткина, – поправил Митя. – Одеська Улиткин его звали вроде как...

Спорить с ним и приводить в пример мифы Древней Греции не было ни смысла, ни желания. Во-первых, бесполезно, во-вторых, всё равно не докажешь, откуда эта деревенщина знает гомеровскую Одиссею...

– Никита Иванович, а вы уверены, что нам вот прямо туда и надо? – неожиданно встал Митя, так что я по инерции въехал носом ему в спину.

На косогоре чёрным силуэтом выделялся высокий терем, окружённый бревенчатым забором. И вот на этом заборе, у ворот, действительно висели человеческие черепа. Без нижней челюсти, выбеленные временем, наверняка очень старые...

– Тут ни птица не пролётывает, ни зверь не прорывается, а добру молодцу со конём и подавно лютая смерть, – крестясь, забормотал мой напарник.

– И кто у нас конь? – почему-то задело меня. – Идём уже, достал меня этот ваш сказочный квест. От младшей сестры к старшей, от одного зятя к другому, а толку – ноль. Единственно, что выяснили, так это непреложный факт – победить Змея невозможно!

– Адресок ещё, – напомнил Митяй.

– Ах да. Стеклянная гора где-то на востоке, юге, севере, всё время направо, и так, пока лбом не упрёшься. Мить, да они над нами просто издеваются!

– Дык с чего же?

– Дык не знаю! Может, в своё время с маменькой из-за птичек своих не поладили, а теперь на нас отрываются.

Я закусил нижнюю губу. Что-то нервы шалют, на своих без дела голос повышаю.

Это из-за Олёны. Точнее, из-за её отсутствия. Вот ведь только-только всё стало налаживаться – не в личных отношениях, там у нас всё супер. А в смысле чисто бытовых условий: осознание себя женатым человеком – некая основательность и, я бы даже сказал, устойчивость в жизни.

С Бабой-ягой мы бы по-любому как-то договорились, переезд – дело не скорое, всё бы устаканилось, я уверен! Но без Олёны чему устаканиваться?! Уж поверьте, возврата к прежней холостой жизни я не хочу, поэтому мы ещё поборемся...

– Чё делать будем, Никита Иванович?

– Стучать.

– В ворота, что ль?

– Естественно.

– Кулаком али ногой?

– Головой, – прорычал я.

– Как прикажете. – Митяй не задумываясь долбанул широким русским лбом по тесовым воротам. Те даже не скрипнули.

Мой напарник стиснул зубы, сурово нахмурил брови, собираясь взять разбег, я ему не препятствовал, но в последний момент ворота резко распахнулись. Митяй так и влетел во двор на полной скорости, словно бык мимо тореодора. Или правильнее, мимо прекрасной тореодорши, да?

Нас встречала рослая кустодиевская девица с румянцем во всю щёку, с широким размахом плеч, с монументальной фигурой, в опрятном платье и ниткой красных бус на шее.

– Фу-фу-фу! – томным грудным контральто почти пропела она. – Сколько лет русским духом и не пахло, а нынче русский дух сам пришёл...

– Как же меня достали эти полунамёки, – честно признался я сам себе, потом сунул руку в планшетку, достал бабулино полотенце и протянул третьей сестре. – Идентифицируйте!

– Чего? – опешила она.

– Ну, опознать можете?

– Тебя али олуха стоеросового твоего? – Девица кивнула в сторону выползающего из курятника Мити. Судя по всему, он не только сломал там дверь, перепугал кур, перебил яйца, но ещё и словил за всё это безобразие от храброго петуха!

– Гражданочка, у вас это полотенце никаких ассоциаций не вызывает?

– Ширинка, что ль? – Хозяйка наконец поняла, чего от неё добиваются, и, внимательно приглядевшись к узорам на полотенце, воскликнула: – Дак то ж маменькина!

– Вот именно, – сухо подтвердил я.

– Упёрли, что ль?!

Я почувствовал, что моё терпение резко подошло к концу. Судя по всему, старшая дочка нашей Яги весь ум передарила сёстрам. Причём добровольно, но неравномерно, младшей досталась большая часть.

– Я живу у вашей мамы.

Румяная девица смерила меня недоверчивым взглядом:

– С маменькой живёшь? Хорош щегол...

– Не с ней, а у неё, – краснея до ушей, прорычал я. – Мы вместе с Митей (да, вот этим самым!) в комплекте, одним флаконом, живём в тереме вашей мамы, которая является главой экспертной службы Лукошкинского отделения милиции. Так понятней?

Увы, похоже, вся моя речь ушла куда-то в китайскую Поднебесную. Хозяйка зависла, словно компьютер в бухгалтерии, и только облизывала губы, пытаюсь понять, кто мы, чем занимаемся с её маменькой, а главное, зачем пришли сюда? Видимо, последний вопрос казался ей самым важным.

– А чего вы ко мне пришли?

– Если точнее, то мы к вашему мужу. – Я вытащил перо ястреба и помахал им в воздухе.

– Не ко мне? – неожиданно обиделась девица, да так, что глаза её мгновенно наполнились слезами. – Обидеть хотели-и?!

Я сжал виски руками, потому что в тот же момент, словно реагируя на её слёзы, загрохотал гром, поднялся ветер, и минуту спустя во двор приземлился орёл. Не маленький...

Примерно на две головы выше чёрного африканского страуса. Жёлтые круглые глаза легко оценили нас с Митькой на вес, рост, сопротивляемость, свежесть мяса и метод лучшего приготовления. Лично мне показалось, что нас склюют сырыми.

Митя, не раздумывая, пополз обратно в курятник, и хрен с ним, с драчливым петухом. А мне ничего не оставалось, кроме как поднять руки вверх. В левой – ястребиное перо, в правой – бабкина ширинка (ну, раз все так говорят, что же мне, драться с ними, что ли?!).

Орёл, обладая орлиным (прошу простить за «масло масляное») зрением, в один миг грохнулся грудью о землю и принял облик широкоплечего русоволосого дядьки в богатой одежде, с бородой лопатой и плешью на затылке.

– Не бойсь, мужики, тут все свои. А ты цыть, Акулина! – сурово прикрикнул он, тем не менее довольно заботливо обнимая жену за плечи. – Заходите в дом, гости дорогие. И ты, родная, перестань глаза сухие тереть. Гости у нас! Всё, что есть в печи, на стол мечи!

Я тихо выдохнул. Неужели в первый раз мы сталкиваемся с нормальным человеком? В смысле птиц. Оборотнем? Да какая, к лешему, разница?! Если припомнить ранее встреченных нами зятьёв Бабы-яги, то этот гарантированно был наиболее вменяемым.

Я за ногу выволок Митю из курятника, дал пинка под хвост мстительному петуху и, послав младшего сотрудника бдиль за воротами, сам шагнул в дом Орла. Есть или пить не хотелось совершенно, но поговорить было о чём...

– Знаю я сволочь эту перелётную, – выслушав меня до конца, вздохнул Орёл, выдернул из запечённого (целиком!) быка широкий нож, одним махом откромсал себе на тарелку кусман килограмма на полтора, принял от супруги большую кружку чёрного пива и неторопливо продолжил: – Стало быть, что я тебе скажу, сыскной воевода... В честном бою Змея вам не одолеть. Дюже быстр он в полёте да увёртлив, ни стрелой, ни ядром пушечным его не проймёшь. Силы у него великие, огнём палит нещадно, а ежели до когтей и зубов дойдёт, так они у него харалужной стали крепче!

– Ядерное стратегическое оружие?

– Не поможет, – отмахнулся мужик, но быстро понял, что не в теме. – А что это за хрень басурманская? Мы об этой заразе ядерной отродясь не слыхивали, но говорю ж тебе, ядром его шкуру не прошибёшь. Однако единая хитрость есть...

– Какая? – Я без извинений отхлебнул из его кружки, но хозяин не обиделся, даже наоборот.

– Говорят, те, кто из одной посуды пьёт, братьями названными становятся.

– Хотите иметь родственника в милиции?

– Добрые люди завсегда друг дружке помогать должны. Ныне я тебе, а глядишь, в какой беде и ты за услугу верностью расплатишься.

– По рукам, – согласился я. – Так что за хитрость?

– Думаю, что знаю я про слабость его. На женский пол гад этот дюже падох!

– И чем нам это поможет в плане его задержания? – неуверенно пробормотал я. – Нет, конечно, можно хоть всю стрелецкую сотню Фомы Еремеева переодеть в девичьи сарафаны и выстроить по росту на Базарной площади. Но что, если Змей просто не прилетит? Есть гарантии, что мы его заманим этим конкурсом красоты «Мисс лукошкинская милиция в бикини»?

– Это проблема, – важно признал Орёл, за время нашего диалога уже дважды наполнивший мясом тарелку. – Однако ж если среди девиц похищенных хоть одна найдётся, которая ножа в руке не боится, то... Как после утех сладких уснёт Змей в образе человеческом, сей же час ему голову и руби! Аки в писании библейском об Юдифи и Олоферне указано...

Вот тут я серьёзно призадумался. Пиво было крепким, шибало в ноги, но голова вроде бы пока оставалась трезвой. И эта трезвая голова весьма недвусмысленно пыталась определить для себя, кто же готов спать со Змеем ради его последующего умерщвления. Ответ упрямо не находился.

Царица? Ну, Лидия Адольфина убить, конечно, может. Австрийский королевский дом пролитием крови никогда не гнушался и, как утверждал тот же Горох, охотничий нож – хиршфангер государыня всегда носит под юбкой, прикреплённым ремешками к бедру. Другой разговор, что в бане она его гарантированно сняла. Успела ли забрать, пока летели, – вопрос открытый. И самое главное, я не мог быть уверен, что она согласится отдаться похитителю. Это не в её характере, да и чувство долга не позволит. Так что вряд ли...

– Девица Маняша из села Подберёзовки? – продолжал теоретизировать я, видимо, уже вслух. – Ну, что тут скажешь... Рука у дочери кузнеца тяжёлая, это факт. Способна ли она убить? В запале, в горячке, при самозащите да против тех же шамахан – запросто! А вот после первого сексуального опыта... Не знаю, не знаю, не уверен. А вдруг он, в смысле Змей, наоборот, после ночи любви ей очень даже понравится? Сельские девушки, они существа непредсказуемые...

– А твоя? – напомнил Орёл.

Я протянул руку, поймал его за грудки и тяжело выдохнул прямо в лицо:

– Моя может. Убить. Но спать с ним не станет. Скорее умрёт.

– Да я ж не за-ради обиды, братец названный, – легко отцепляя мои пальцы, повинился хозяин. – Хочешь, путь-дорогу к дворцу змеиному на Стеклойной горе нарисую?

– Да, – согласился я. – Извиняться не буду. Нарисуй, братец названный.

Бородач взял чистую глиняную тарелку и просто ногтем начал царапать на ней вполне себе профессиональную топографическую карту. Я узнал схематичную линию стен Лукошкина, полосу речки Смородины, Кощееву Лысую гору, а дальше за ней, через лес и большое озеро, появились очертания неприступной крепости в европейском стиле. Не знаю, можно ли было назвать это той самой Стеклойной горой, но на какой-нибудь рыцарский замок времён Войны Алой и Белой розы было очень и очень похоже.

– Держи, Никита Иванович. – Орёл пододвинул мне исцарапанную тарелку. – Ну а сам чего не ешь, не пьешь? Али гостеприимством моим брезгуешь?!

– Вообще-то Баба-яга просила в ваших краях ничего не есть, а то назад не вернёмся. Но... я уже перехватил у вашей родни. Так что... ох!.. не знаю даже...

– Ешь, не бойся! А как я вволю поем-попью, так и вас на свет божий вынесу.

Мне оставалось лишь пожелать ему приятного аппетита, сделать себе бутерброд с говядиной и тихо выйти вон. Судя по страшному клёкоту за моей спиной, от запечённого быка вряд ли что-то останется. В сенях я был задержан хозяйкой. Дородная Акулина с двухлитровой бутылкой мутного самогона в руках легко прижала меня бедром.

– Слышь-ко, добрый молодец, а мой муженёк не обещался тебя на свет божий вынести?

– Была такая тема, – не стал врать я.

– Вот и ладушки! Так, ежели ты не против, я бы матушке своей любезной подарочек малый с тобой передала, а?

Мне оставалось только развести руками. Старшая и самая недалёкая дочь Яги оказалась единственной, кто подумал хоть что-то передать в Верхний мир маме. Получается, она была лучшей дочерью? На мгновение мне показалось, что я в чём-то понимаю свою бессменную сотрудницу...

– Да, разумеется. Всё, что надо, передам.

Акулина радостно засуетилась и буквально через пять минут вынесла мне корзинку, набитую всякой домашней снедью.

– Вот тут вареньице, окорока кусок, булка, плюшки, ну и бутылочка настойки ядрёной.

– Сам не выпью и Митьке не дам, – клятвенно пообещал я. – А вы не в курсе, как нам вернуться?

– Дык муж мой до места доставит! Уж ему-то, поди, не впервой, – беззаботно отмахнулась хозяйка и, не прощаясь, ушла в дом.

Я вышел во двор с корзинкой в руках, встал перед курятником...

– Никита Иванович, а чё, всё кончилось, чё ли?

– Чё ли нет, – вздохнул я. – Сейчас хозяин выйдет и отправит нас домой, в родное отделение.

– А энто как?

– Энтого не знаю, – передразнил я. – Однако если сюда нас закинули через колодец, то, видимо, обратно доставят так же.

– Ну тады не страшно, энто быстро же, да?! – С надеждой вытянув шею, мой напарник помахал рукой выходящему из дома Орлу.

Мужик шёл вперевалочку, держа под мышками два берестяных короба. Весьма объёмных, надо признать...

– Всё, полетели, парни. Как я птицею обернусь, садитесь ко мне на спину и короба держите. Коли я налево голову поверну, бросьте мне в клюв мясо, а коли направо – хлеб. Бог даст, подниму вас до Верхнего мира, а там уж сами, своим умом, своими ножками...

Я на автомате проверил короба – в одном куча буханок хлеба, в другом жареные курицы. Ну, в принципе всё понятно, справимся.

Мужик отошёл подальше, подмигнул нам и всем телом ударился оземь. В тот же миг перед нами встал огромный орёл. Вот тут, естественно, и началась вся трагикомедия...

– Я не полечу! Ни за что! Как Бог свят, нипочём на птицу энту страшную не сяду! Лучше прямо тут расстреляйте-э-э!

– Митя, успокойся.

– А я спокойный! Как слон спокойный, я его в цирке видел. Вы за моё спокойствие не беспокойтесь, вы меня на птицу энту не сажайте – хуже будет!

– Это угроза?!

– Это вопль души! Я высоты боюсь-а! А ну как ему в перелёте мяса или хлеба не хватит и он мою ногу склюёт?! Левую!

– Почему не правую?

– А хоть бы и правую, мне оно без разницы! Кому я, к лешему, безногим нужен буду?! Опять сироту обидеть хотите, грех ваш, ой гре-э-эх...

Я только улыбнулся, когда, распалённый истерикой, Митя совершенно потерял контроль над ситуацией и не заметил, как орёл неторопливо повернул свою горделивую голову и одним движением страшного клюва цапнул нашего младшего сотрудника за воротник, закидывая себе на спину.

Бедный Митяй настолько обалдел, что даже не дерзнул оказать сопротивление. Сел, где посадили, молча, как побитая котом мышь, тихий и послушный. Лишь только глаза круглые, как царские пятаки...

Я же вскинул наверх короба и корзинку для Яги, а потом сам полез по подставленному крылу. Устроился позади Мити, сунул ему тару с курятиной и дал отмашку.

– Первое Лукошкинское отделение милиции, старший лейтенант Ивашов и младший сотрудник Лобов к полёту готовы!

Орёл покосился на нас, удовлетворённо клекотнул и без разбега взмыл вверх. Утирающая сентиментальную слезу Акулина махала нам платочком из окна. Митька сгрёб правой рукой пук орлиных перьев так, что аж хруст костяшек послышался. В левой, как вы понимаете, у него был «неприкосновенный запас» кур-гриль.

Я, в свою очередь, вцепился зубами в его рубаху сзади, потому что обе руки были заняты. Через пять – десять минут сумасшедшего подъёма в стиле вечно пьяной «Аэрофранс» мы скоординировали курс и поднимались уже по спирали всё выше и выше плавно, без рывков и воздушных ям.

В принципе полёт был нормальный, я понял, как сунуть ноги под перья на спине Орла: и тепло, и надёжней посадка. Мой напарник молчал, лица его мне видно не было, но, судя по тому, как быстро намокла от пота рубашка на спине Митяя, удовольствия он от перелёта получал мало. Примерно через полчаса орёл повернул клювастую голову вправо.

– Оп! – Я поспешно вытащил какую-то булку и метко швырнул её в распахнутый клюв.

Орёл почти сразу же повернул голову влево.

– Митя, кидай курицу!

– Чёй-то? Зачем-то?

– Дозаправка в воздухе! Кидай, тебе говорят!

Он дрожащей рукой пульнул жирную курицу, ухитрившись залепить орлу в глаз. Тот дёрнулся так, что мы едва не свалились, но всё-таки ухитрился подхватить тушку.

Мы облегчённо выдохнули. Через пять минут операция кормления повторилась. Орёл жрал в полёте так, словно его дома не кормили. Только и успевай швырять: курица – булка, курица – калач, курица – батон какой-нибудь. В общем, меньше чем за час-полтора вся провизия у нас кончилась.

А громадная птица, устало махая крыльями, с возмущённым клёкотом требовала ещё.

– И чё делать-то, Никита Иванович? Энтот гусь кривоклювый на ногу мою целится!

– Брось ему чего-нибудь.

– Короб пустой остался, бросать? – Митя, не дожидаясь моего ответа, запустил берестяной коробкой в голову орла.

Тот вовремя успел повернуть направо, увернувшись от удара. В другой раз ему уже не так повезло, потому что наш младший сотрудник, вырвав у меня второй короб, с размаху залепил орлу поперёк клюва!

– Ага, не нравится?! Не видать тебе, твари поднебесной, длиннокрылой, почём зря кусачей, тела моего белого, богатырского!

Орёл вновь издал требовательный клёкот, и меня осенило. Я протянул младшему сотруднику корзинку:

– Держи, кидай, пусть жрёт, зараза!

– Дык энтэ ж вроде как гостинец Бабуленьке-ягуленьке от дочки ейной старшенькой...

– Митя, не надо дебатов. Кидай, и всё!

– А ежели Яга осерчает, так на кого вы стрелки переведёте?

– На тебя, естественно, – начал было я, но тут орёл повернул голову и так клацнул клювом у самого Митинога лаптя, что тот больше не раздумывал.

– Подавись ты, ирод ненасытный! Чтоб тебе лопнуть в небесах, чтоб у тебя в полёте живот пучило, чтоб ты под ёлкой сел, а тебя ворона сверху по башке обгадила! Чтоб... чтоб... Ну, Никита Иванович, подскажите же и от себя какое ни есть подходящее проклятье, а?

– Митя, мы снижаемся.

– Чего? Куды?! Не сметь! Я те снизюсь, – рявкнул он и с великого перепугу дёрнул орла за перья, словно бы натягивая удила.

– Упс... – И в Митиных пальцах остались два здоровущих пера. – Сами выдернулись как-то... А я больше не буду-у!

Я бы на месте пилота, бесплатно доставляющего нас по указанному маршруту, не слабо обиделся и посадил самолёт. Орёл был благороднее, он поступил иначе – задрал нос и резко пошёл вверх. Мы с Митей, не успев сказать друг другу последнее «прости», скользнули по спине птицы вниз. Потом был короткий крик, падение на жёсткие перья хвоста, тяжёлый удар тем же хвостом, словно плёсом кита, и...

В себя мы пришли, сидя у бабкиного колодца, плечом к плечу, мокрые, как котята, но, кажется, живые и даже целые. Ну, почти целые. Митя продемонстрировал мне правую ногу без лаптя и портянки. Я быстро пересчитал – все пять пальцев на месте. Во дворе отделения была тишина, никого не видно, никто нас не встречает.

– Бабуля! Еремеев! Есть кто-нибудь?!

Бесполезно. Родное отделение милиции словно вымерло. Мы переглянулись и кинулись в разные стороны: я в дом, а мой напарник в баню. Дверь была заколочена крест-накрест двумя свежестругаными досками. Я попытался отодрать их, но прибили надёжно. Да что же у нас тут опять творится-то?! Ни на минуту их оставить нельзя...

– Никита Иванович, гляньте-ка начальственным взглядом, – тихо подошёл ко мне Митя, протягивая лист гербовой бумаги. – Я ворота распахнул, а тама... вот! Прибито!

– «Царский указ», – быстро вслух начал читать я. – «По совету Боярской Думы и собственному их решению, в заботе о городе моём, землях и всех честных людях, повелеваю! Милицию лукошкинскую распустить!»

– Что?! – взвыл Митя.

Я схватился за сердце, с трудом овладел языком и продолжил:

– «Понеже сыскной воевода и помощник его беспутный Митька Лобов в колодце утопил, за их смерть Бабе-яге ответ держать! Сотню стрелецкую еремеевскую в войска возвратить. Пушай на поле брани свою храбрость доказывают. А коли у кого какие жалобы на милицию имеются да на проступки их лиходейские, тому к дьяку Филимону Груздеву идти надобно. Челом бить, справедливости требовать, на подарки не скупиться. Всё божьей волей и содеется, понеже всех люблю, целую, обнимаю и в беде не брошу. Вы мне – дети, я вам – отец! Добрый, но строгий и справедливый! Всегда ваш, Горох». Что за хрень?

– Опередили, Никита Иванович, я первый то же самое спросить хотел.

– Спрашивай.

– Спрашиваю: что за хрень?! Нешто государь наш в здравом уме и твёрдой памяти такое мог написать?

– Не мог, – уверенно подтвердил я. – И слог не его, и манера речи, да и вообще всё. Митя, у нас тут, похоже, государственный переворот произошёл. Царя либо опоили, либо грохнули, либо подменили на брата-близнеца, как в «Железной маске»...

– Что за история занимательная? Про кузнеца-маньяка, поди? То-то мне Маняшин отец сразу подозрительным показался. И корова ихняя дрессированная, прямо носорог какой-то, а не домашняя скотина!

– Му-у, – тянуче раздалось сбоку.

– Назови чёрта по имени, он тут как тут, – простонал наш младший сотрудник, прячась за мою спину. – Может, Шмулинсона пригласить? Он её в прошлый раз дюже напугал рассказом про кошерную говядину.

– Глупости. – Я протянул руку, и корова, подойдя поближе, доверчиво подставила лоб под мою ладонь. Не знаю, чего они с Митей так невзлюбили друг друга – с любым животным всегда можно найти контакт. Помнится, в деревне мне тоже от этой рогатой прелести досталось, но в городе она вела себя вполне пристойно.

– Нам надо разобраться, что тут происходит.

– Да уж, по всему видать – неладное творится, – всё так же из-за моей спины пробормотал Митька. – К царю пойдём али покуда поосмотримся?

– А чего смотреть-то, – пожал плечами я. – Пойдём напрямую к Гороху и выясним всё у первого лица государства. Открывай ворота.

– Му? – вновь подала голос корова.

Видимо, она своим неглубоким умом как-то всё-таки сообразила, что мы уходим, а ей тут одной куковать не упёрлось рогом. В фигуральном смысле. То есть попросту подвинула нашего младшего сотрудника костлявым плечом и заняла место по левую руку от меня, словно служебно-розыскная овчарка. Все мои попытки лаской или обманом уговорить её остаться разбивались о любовно-непробиваемый взгляд коровьих глаз. Короче, в результате пошли втроём.

Главный город нашего маленького государства, скромная столица – милое сердцу моему Лукошкино выглядело столь же пустым, как и территория нашего отделения. На базаре никого, все лавки закрыты, ставни заперты, дети по улицам не бегают, собаки сидят в будках, и даже вороны не каркают, молча вцепившись когтями в самые высокие ветки деревьев. Разве что перекаати-поле по пустым перекрёсткам не перекатывается, а так чистая картинка из вестернов с видом запуганного города под квакающую музыку и стук копыт в стиле кантри...

За Базарной площадью мы наконец натолкнулись на стрелецкий наряд под руководством какого-то боярского сынка. Сначала он дважды протёр глаза, а потом, не сказав «здрате», проорал:

– Хватайте государевых ослушников!

Двое стрельцов осторожно уточнили:

– Дык они же покойниками объявлены. Чё ж теперь, и Ягу на свободу выпускать?

– Взять их, дурачье, а уж в пыточной разберёмся, кто покойник, а кто виноватый!

– Эй, парень, – повысил я голос, попытавшись выглядеть как можно строже во всё ещё мокром мундире, – я Ивашов Никита Иванович, сыскной воевода, начальник Лукошкинского отделения милиции! И если меня сию же минуту не проводят к государю...

– Хватит! – заорал молодой боярин, первым выхватывая дамасскую сабельку и бросаясь на нас.

Более опытные в этом деле стрельцы, наоборот, отступили на шаг назад. Парнишка драчливым петухом налетел на меня, взмахнул клинком и... был отправлен по параболе за ближайший забор одним движением рогатой головы нашей спутницы.

– Упаси господь с милицией связываться и коровой ейной, – в едином порыве перекрестились стрельцы.

– Минуточку, граждане. Не соблаговолите ли объяснить мне, что происходит?

– Дык... мы-то люди подневольные, – виновато поклонился самый старший. – Нам ничего не ведомо. А тока как ты с парнем своим в колодце самоутопился, дык на другой день всё вперекосьяк пошло. Царь пропал, в Лукошкине всем бояре хороводят, Ягу твою в тюрьму посадили, милицейскую сотню пешим строем на границу отправили, а всем законом теперь дьяк Груздев ведаёт. Как его левая пятка захочет, так и будет...

– Сколько нас не было?

– Почитай трое суток.

«Охренеть...» – попытался произнести я.

Из горла вылетел неопределённый жалкий писк. Я вздрогнул, поняв, что от шока потерял голос. Вот только этого ещё и не хватало для полного счастья...

Митя громко хлопнул себя ладонью по лбу, дождался, пока стихнет эхо, и выдал полноценную порцию новых матерных прилагательных на тему нашего недавнего перелёта.

Стрельцы мотали на ус, корове тоже понравилось. Однако ведь вроде по прошлым условиям считалось, что Горох обычно даёт нам три дня на любые расследования, как и положено в русских сказках. Бывает, мы укладываемся быстрее, бывает – наоборот.

Но тогда, конечно, следуют всякие объяснения, согласования, взаимные уступки, новые договорённости, и государь сам держит руку на пульсе следствия. Иногда мы даже позволяли ему лично участвовать в погоне при задержании. И что с ним творится сейчас, когда за трое суток он не имел никакой информации о планах опергруппы, о деталях расследования, можно только гадать.

А уж что ему напела в уши за все эти дни добросердечная боярская дума, даже представлять не хочется...

– В царский терем тебе ходу нет, участковый, – невесело подтвердил старший. – Схоронился бы ты от беды, а там, глядишь, утро вечера мудренее.

Я молча кивнул. Голос так и не вернулся. Мимикой и жестикующей показав что-то вроде «Спасибо вам, добрые люди! Если что понадобится в милиции, всегда милости просим!», я развернул Митю за плечо.

– И куды мы, Никита Иванович?

Я пожал плечами. В общем-то куда угодно, лишь бы подальше от бояр и мстительного дьяка.

– Нешто думаете, нам тут в каждом доме рады будут?

«Не думаю», – молча покачал головой я. Нет, народ в Лукошкине к милиции относится с уважением, но покрывать попавших в опалу оперативников тоже не каждый кинется. Тем более что три дня тут наверняка формировали негативное общественное мнение. И, возможно, в том, что Змей будет залетать в город ещё не раз, воровать девушек и рушить жилища, есть и наша вина. Частично, но есть...

– Может, тады к маменьке, в деревню?

Я посмотрел вдоль улицы, прикинул маршрут и быстро пошёл вперёд. Митяй кинулся вслед, всё поняв, а потому кудахтая, как перевозбуждённая курица:

– Энто куда вы намыпились-то? Туда нельзя! Куда угодно, а не туда! Вы ж сами говорили, что немчура – они люди вежливые, законопослушные. Они ж нас первыми повяжут с бантиками и в боярскую думу сдадут! Нет им моей веры! У них и сказки страшные, и пиво горькое, и сосиски вредные, и рульки жирные, а глентвейн... глентвейн?! Не, глентвейн немецкий дюже хорош! Идёмте побыстрей, может, и нальют кружечку напоследок-то...

Я мысленно сделал себе пометочку проверить у немецкого посла эту информацию. Меня, например, в Немецкой слободе только кофе угощали, а тот же Митька, получается, уже отлично знает, что такое глентвейн и с чем его едят. В смысле пьют.

Не суть принципиально, но выяснить надо. Будут они мне ещё младших сотрудников спаивать. Воодушевлённый Митя развил буквально крейсерскую скорость, так что мне было достаточно лишь крепко держаться за его рукав и до ворот Немецкой слободы почти не перебирать ногами. Корова даже не поняла, куда мы исчезли, и её далекий вопль мычащего отчаяния долетел до моего слуха уже едва слышимым стоном...

– Заперто. – Митяй тормознул, подняв облачко пыли. – Постучать или поскрестись?

Знаю я, как он стучит, может и поломать на фиг. А если скрестись, так это несолидно, мы всё-таки милиция, а не каких-нибудь два приبلудных кота с соседней улицы. Я жестом попросил парня отойти в сторону и сам постучал. Дежурный охранник открыл практически сразу.

– Кнут Гамсунович дома? – подал голос Митяй.

– Я, я, герр Шпицруттенберг всегда готов помочь арбайтен полиции, – пропуская нас, чуть склонил голову откормленный белобрысый немец в зелёном сюртуке охранника. – Битте шён, следовайте за мной, я?

Кнут Гамсунович, посол, дипломат, умница-человек, которого я всегда глубоко уважал и который не раз словом и делом доказывал своё расположение, был представлен нам в дупель пьяным!

– Не, ну что ж за день-то такой, – всплеснул руками Митька, когда вежливая улыбчивая фрау в длинном баварском платье провела нас в личный кабинет немецкого посла.

Я тоже ничего не понимал. В резном немецком кресле, в домашнем халате, без парика, развалился Кнут Гамсунович, глаза его были красными, а судя по количеству пустых бутылок под столом, пил он не для поднятия настроения, а чтоб реально забыться.

– О майн гот! – Посол сфокусировал взгляд и перекрестился на католический манер. – Друг мой, вы ли это? Если же ваш неупокоенный дух пришёл что-то мне поведать, то я готов и... и?

Видимо, что именно он готов сделать в этом случае, старый немец ещё не решил. То есть говорил-то он без пьяного спотыкания, а вот доведение мысли до логического конца не гарантировал.

Чтобы показать ему, какой я живой, мне пришлось взять полупустой штоф со стола и сделать хороший глоток. Водка была наша. Крепкая, забористая, государственного производства. В башку не слабо ударило, но зато ко мне вернулся голос!

– Правильно говорят, что клин клином вышибают, – прокашлялся я, стуча себе в грудь. – Митя, кыш! Убрал руки от бутылки! Ты мне сегодня трезвый нужен.

– Ну вот, опять извечная несправедливость российская – всем можно, мне нельзя!

– Вам нельзя, Димитрий, – строго поддержал меня посол. – Пойдите к фрау Мюллер, она вас накормит. Яволь?

– Вперёд. – Я практически вытолкал нашего младшего сотрудника из посольского кабинета и сел на табурет у окна.

– Кнут Гамсунович, я не призрак. Просто был на спецзадании и, кажется, слегка задержался. Очень надеюсь, что вы как дипломат в курсе всех событий. Пожалуйста, расскажите мне, что произошло за эти три дня?

– Капут, – без тени улыбки ответил он.

Я отхлебнул ещё раз и приготовился слушать. Переписывать весь наш диалог в лицах и деталях не вижу смысла. Скажу лишь, что к концу повествования я как-то незаметно вылакал оставшиеся грамм двести, на нервах и без закуски.

Если вкратце, то всё началось с нашего прыжка в колодец. Я прыгнул сам, нашего здорового обалдую Баба-яга столкнула следом. Всё это видел дьяк Филимон Груздев, вырвавшийся из лап еремеевцев и совершивший успешный побег прямо в боярскую думу.

Горох самолично заявился за объяснениями, ждал нашего возвращения два дня, потом разуверился, плюнул и, сев на добра коня, отправился изображать королевича Елисея из бессмертных сказок Пушкина. Власть осталась в руках боярской думы, и меньше чем за день сотню Еремеева сплывили куда подальше, отделение закрыли и опечатали, Ягу под стражей осторожно сопроводили в тюрьму, а болтливый дьяк выбил себе статус «народного защитника и страстотерпца». То есть попросту собирателя жалоб и взяток...

За всё это время Змей в город не прилетал, но простые лукошкинцы на улицу выходить всё равно побаивались. Никто не знает, когда этот гад любвеобильный снова к нам пожалует и кого выберет. В целом всё тихо, благопристойно, паники да бунтов нет, к мятежу никто не призывает, но и организовывать хоть какой-нибудь отпор Горынычу тоже дураков не оказалось.

Пока царь в походе, всем правят бояре, это нормально. Но что делать, если Горох так и не вернётся? Судьба одиноких странствующих рыцарей хорошо складывается лишь в книжках. Вот и всё...

– А я тут пью. Почему нет? Разве не так все русские глушат боль души? – резюмировал Кнут Гамсунович, взглядом ища новую бутылку. – Я немец, но у меня тоже есть душа. И она болит за Лукошкинбург...

– А как же ваш фатерлянд?

– О, мой милый, милый фатерлянд так далеко отсюда, что я почти забыл холодный воздух альпийских лугов, свежее мюнхенское пиво и добрые руки моей старенькой гроссмутер, причёсывающей мои непослушные кудри. – Посол расчувствовался, коснулся седой стриженной макушки и пустил слезу. – Герр Ивашов, мы с вами оба гости в этом мире, отправленные сюда не по своей воле, но... Но если мой король Фридрих потребует от меня вернуться ко двору, я сложу полномочия, подам в отставку и приму подданство России.

Я быстро огляделся по сторонам, нашёл в угловом шкафчике маленькую бутылку французского коньяка и честно разлил по стопкам.

– За Лукошкино!

– Яволь!

Мы чокнулись и опрокинули. Все наши дальнейшие действия объяснялись нарушением одного русского правила – «закусывать надо!». Ну а поскольку я был нетрезв слегка, а мой хозяин – преизрядно, то последующий диалог носил крайне конструктивный характер:

– Мне нужна ваша помощь.

– Располагайте мной, дорогой друг!

– Это может оказаться опасным.

– От тюрьмы и сумы не зарекаются. Так говорят у вас в народе. Ферштейн?

– Я, я, натюрлих, – на автомате буркнул я и уж не помню на каком языке ввёл тёпленького посла в курс дела.

Бутылка французского переходила из рук в руки. Кнут Гамсунович прихлёбывал, уточнял детали, вносил коррективы, и примерно через час у нас готов был план бессмысленного и беспощадного русского бунта в законопослушной немецкой обработке. Он был очень простой, доступный и состоял всего из трёх пунктов.

Первое, мы идём на царский двор и спасаем Бабу-ягу. Второе, едем в чисто поле и при помощи нашей досрочно освобождённой эксперт-криминалистки находим блудного Гороха. А на третьем каким-то чудесным образом поочередно бьём морду (морды?) Змею Горынычу, спасая наших украденных жён и одну девицу из деревни. Приблизительно, в общих чертах, как-то вот так!

В чрезмерной щепетильности к деталям и посекундной проработке хоть одного из трёх вышеперечисленных пунктов нас тоже никто бы не упрекнул.

Пушкинское «авось», помноженное на шиллеровский романтизм, дало волю фантазии, и уже через полчаса территорию Немецкой слободы покинуло двое молодых фройляйн под опекой морщинистой, строгой фрау бонны. Не берусь судить о себе, ну, кроме того что в длинной юбке реально прохладнее и ноги покрываются гусиной кожей, а вот Митька был хорош. Этому подлецу всё к лицу.

– Эх, тока и жаль одна, что никто меня такую красивую не видит, – вздыхал он, смачно похрустывая капустным листом.

– Руку из декольте вынь, извращенец, – уже в третий раз попросил я.

Митяй вздохнул, в последний раз оторвал ещё по листочку от двух здоровенных кочанов, имитировавших ему грудь, и продолжил:

– А тока мне всё равно не ясно, как мы Бабуленьку-ягуленьку вызволять будем?

– У нас есть план.

– Ознакомиться бы хотелось...

– Хороший немецкий зольдат не задаёт вопросов, он выполняет приказ! – строго напомнил Кнут Гамсунович, печатая шаг, так что только кружева чепчика вздрагивали.

– Да знаю я, знаю, просто поговорить хотелось. А то чё интересного? Капусту есть нельзя, юбку задирать нельзя, спину чесать нельзя, парик снимать нельзя, а у меня под ним вся макушка вспрела...

– Митя, не капризничай, ты не девушка!

– Уже?!

Я забодался с ним препираться, а пинать коленом болтливую «подружку» нордической внешности, арийского роста, с широкой славянской мордой мне не позволял строгий взгляд Кнута Гамсуновича. Он ещё не протрезвел, но и, возможно, поэтому искренне наслаждался игрой в бабушку. Ему вся эта дешёвая театральщина явно нравилась, и, когда мы дошли до царского двора, где на нас вылупились трое дежурных стрельцов, немецкий посол начал первым:

– Гутен морген, мои храбрые друзья! Дас ист фрау Немец-перец-колбаса. Принесли передачу соседке Бабе-яге на гауптвахт. Эти цвай юные, скромные арийские фройляйн со мной!

– Э-э... дык в тюрьму, что ль? – неуверенно переглянулись трое бородачей.

Мы дружно кивнули. Стрельцы осторожно улыбнулись, мы с Митей тоже. Мужики чуток подуспокоились, нервозность ушла: в конце концов, две девушки и одна неагрессивная старуха в капоре – это ж не страшно, правда?

– Вы нас проводить, я? – подкрашенными губками улыбнулся посол, поправляя на носу круглые очки.

– Не, нам пост покидать нельзя.

Мы с Митей усилили улыбки. Стрельцы пошушукались и приняли компромиссное решение: старший ведёт «старушку к подружке», мне разрешили её сопровождать («вдруг по пути рассыплется?»), а Митя останется у ворот двух оставшихся стрельцов капустным бюстом номер восемь радовать.

Всё-таки простой у нас народ, невзыскательный. Юбка есть, талия есть, титьки по пуду, на лицо уже никто и не смотрит. Хотя, честно говоря, всё равно девушка из нашего младшего сотрудника получилась вполне себе симпатичная, голубоглазая, румянец во всю щёку, и ресницы густо сажей унавожены. Вечерняя косметика, непробиваемый стиль, всегда работает.

– Вы побыстрее там, – тихо прошептал он мне на ухо.

– Ты тоже тут... не перекокетствуй, – напутствовал я, и Кнут Гамсунович твёрдой рукой повлёк меня через царское подворье за старшим стрельцом. Тот оказался человеком солидным, обстоятельным, мы за ним были как за каменной стеной. Единственное, что как-то очень уж навязчиво расписывал, как тяжело мужику жить без бабы...

– Сам-то я ужо, поди, шестой год как вдовец. Непьющий, то есть умеренного потребления, по святым праздничкам, а так ни-ни. Дом-то в порядке содержу, по привык, служба вольностей не позволяет. Баловства сам не люблю, возраст не тот. Детишки-то взрослые уже, из родительского гнезда давно улетели, а я так думаю, что всё одно негоже мужику без женской ласки. Так оно вроде по-божески будет, да и жалованье у нас хорошее. А в Немецкой слободе, поди, бабы пообразованней наших будут, верно?

Наивная душа, Кнут Гамсунович активно поддерживал разговор, не видя, что его банально «клеят». Хотя, в отличие от Митькиного образа, ни груди, ни длинных ресниц, ничего примечательного – сухая, строгая, военизированная немецкая «фрау» солидных лет и не без фантазии. Особенно когда выпьет, как оказалось...

– Вот подвалы тюремные. – Стрелец остановился у входа в подземелье.

Охраны не было, там двух здоровущих цепных псов по уши хватало. Настоящие волкодавы, с такими и на медведя можно.

– Гут пёсики? – осторожно пробормотал немецкий дипломат, всей трезвой частью мозга догадываясь, что верить умильным собачьим мордам не стоит.

– Да ты иди, не бойсь, женщин не трогают, – с улыбкой приободрил бородач. – Опять же хозяйство у меня хорошее. Так к чему речь-то...

Доверчивый Кнут Гамсунович рискнул-таки сделать шаг вперёд и едва успел спасти своё «хозяйство». Страшные челюсти лязгнули вхолостую, не дотянувшись на какие-то считанные сантиметры. Псы разочарованно переглянулись и, жалобно скуля, попросили дать им второй шанс. Посол молча выдвинул меня на своё место.

– Майн киндер отнесёт передачу моей подруге, яволь?

Стрелец даже тихо обрадовался, а я к псам подошёл спокойно. Мы с ними не первый день знакомы, они меня в любом костюме узнают. Страшные собаки сразу завилили хвостами, стали лизать мне руки, ластиться и подставляться под поглаживания.

Я ещё раз оглянулся, подмигнул Кнуту Гамсуновичу и сдвинул засов на двери. Разумеется, настоящих тюрем на царском дворе не было. Государевых послушников сажали вот в эти самые подвалы, где раньше у деда нашего царя действительно была пыточная. Я там сам сидел и Митька тоже, да и вообще кто только не отместился. Теперь, видимо, наступила очередь сотрудницы нашего отделения. Надеюсь, ненадолго...

– Бабуль, вы в порядке? – У меня дрогнул голос при виде маленькой сгорбленной фигурки в чёрном, тихо сидящей на охапке несвежей соломы.

– А что ж со мной сделается, Никитушка? – ровно ответила бабка, на раз просекая мой маскарад. – Один пришёл?

– Нет, с Кнутом Гамсуновичем. А Митька у ворот стрельцов отвлекает.

– Не стрельцов бояться надо, не они нам враги, не их решением меня, заслуженную оперативницу, без суда, без следствия под замок посадили...

– Бояр не было, – припомнил я. – Вообще весь двор пустой. Похоже, что после отъезда царя они резко расслабились и преспокойно пьянствуют по домам.

– Ну тады грех случаем не воспользоваться. Побег так побег, – решительно привстала Баба-яга. – Дай тока мне до дому добраться, а уж оттуда я им всем такую кузькину мать покажу! И Кузьку, кстати, тоже!

– Не возражаю. Только «за». Меня пригласите полюбоваться?

Бабка улынулась столь чарующей улыбкой, что у меня сердце похолодело от страха. И не то чтоб я её боюсь, да? Мы же не первый год работаем вместе, она меня за внука держит, и как бы ни ссорились, но всерьёз руки на меня она никогда не поднимала. Мы вышли из подвалов плечом к плечу, пылающий взор Яги был полон мести.

– Ну слава богу, – встретил нас возрастной стрелец. – Покидаете нас, бабушка? А двери-то закрыть не забыли?

Я хлопнул себя по лбу и кинулся назад, закрывать. Правильно, если завтра сюда кто-то из бояр сунется, пусть лучше думает, что узница просто исчезла. Испарилась, улетучилась колдовским способом – в конце концов, кто ж не знает, на что способна Баба-яга...

Он с почётом проводил нас обратно до ворот, где двое молодых стрельцов уже почти дрались из-за девичьей Митиной улыбки. А улыбался он лишь потому, что капустные кочаны

вниз скользили, и ему приходилось постоянно их ловить и поправлять. Одно движение к «грудям» – одна улыбка, стрельцам нравилось.

– Уходим, – быстро бросил я, не сбавляя шага.

Митя послал парням воздушный поцелуй и, качая бёдрами, пустился за Ягой и Кнутом Гамсуновичем. А меня на минутку перехватил за рукав бородач:

– Ты, энто дело, участковый, не серчай на наших, мы люди подневольные.

– Хорошо.

– И там... ежели что... замолви словечко фрау немецкой. Уж больно видная баба, приглянулась, аж сил нет...

Я только тут и понял, что собственно мой маскарад никого особенно не обманывал. Даже обидно чуточку. Как по моему личному мнению, так я играл по системе Станиславского, старался проникнуть в образ – непросто выглядеть настоящей девицей из Немецкой слободы, но и... тьфу! Какая, блин, разница, если даже у пьяного немецкого дипломата это получилось лучше! Позор на мою милицейскую голову...

К воротам отделения мы добрались уже хорошо затемно. На воротах сидел чёрный бабкин кот, освещая нам дорогу направленными фарами зелёных глаз.

– Его не арестовали? – тихо спросил я у Яги.

– Пытались, лапы восьмером крутили, не дался Васенька мой, – гордо ответила бабка. – Шестерым боярам морды расцарапал на британский флаг, да и утёк! Я сама, своей волей пошла – чего мне одной-то в пустом отделении делать...

– Я и удивился. Вы же могли простеньким заклинанием всю боярскую думу в мухоморы превратить.

– Могла. Раньше. Сейчас силы уже не те. Да и поумнела, без крайней нужды чародейством не разбрасываюсь, – горько усмехнулась она. – А потом ты ж вернуться должен был. Думаю, вот скоро придёт свет-Никитушка да и спасёт меня, старую, из темницы лютой...

Я в очередной раз искренне удивился её непробиваемому оптимизму и вере в ближнего. Дальнейший разговор продолжили уже у нас дома. Митька, даже не снимая платья, просто подоткнув подол и выбросив капусту, быстренько вытопил баню. Первым заходом отправили, разумеется, Ягу.

Осторожно выглянувший из-под печки Назим дал мне один рулетик из баклажанов с орехами и вкратце рассказал об особенностях ареста бабки. Наша заслуженная сотрудница слукавила, сопротивление аресту она таки оказала будь здоров!

Далеко не только кот Вася отметил бояр когтями, двоих самых невежливых Баба-яга, бормоча сквозь зубы, намертво склеила носами. Бедолаг так и увели неразлепленных, хотя едва сдерживающие гогот стрельцы предлагали решить проблему одним взмахом сабли. Потом бабка действительно позволила себя увести.

Но это после того, как горячий азербайджанский домовой бомбардировал незваных гостей всем, что попало под руку, а под конец выскочил из-за печи с хевсурским кинжалом в зубах. Он порезал бы кучу народа, не уйми его Яга. Назим скрепя сердце согласился остаться и следить за домом, пока его любимая хозяйка «сходит в гости до царёва двора со слугами его верными об жизни да правопорядке потолковать». Когда бабулю увели, бояре заколотили дверь. На двор домовой традиционно не выходил, не его это вотчина, поэтому мы с Митей его и не видели.

Когда вернувшаяся из баньки Яга, свежая, улыбчивая, в новеньком сарафане и платочке, впорхнула в горницу, мы все приветствовали её стоя и аплодисментами. Всё-таки, что ни говори, а бабка у нас красавица и прелесть, каких поискать...

– Как же я вас всех люблю, – даже всплакнула она, пытаясь махом обнять всех нас, вместе взятых: меня, Митю, господина Шпицрутенберга, кота и домового. Это трудно пред-

ставить, но у неё получилось... – Дуйте в баню, ясны соколы. А мне ещё стол накрывать, друзей верных потчевать. Разговор-то у нас до-о-олгий будет...

Мы с напарником быстро взяли полотенца и чистую одежду, а вот бедный Кнут Гамсунович до бани не дошёл. Два дня безоглядного употребления крепкого алкоголя на голодный желудок, переодевание, афера, участие фактически в противоправных действиях, а главное, перенасыщение эмоциями свалило честного немца прямо на выходе в сенях. Митя осторожно перенёс его на лавку, укрыл тулупчиком, сунул свою подушку под ухо. Намаялся человек за сегодня, понимаем...

Мы же с наслаждением окунулись в расслабляющее тепло русской бани. Всё-таки это нечто сакральное, тайное, на глубоко духовном уровне. Не просто мытьё тела, а полное очищение души. Чакры надо чистить берёзовым веником, с парком и квасом, уж поверьте! На этот раз я сам взял в руки веник и, хорошенько макнув его в кипяток, примерился к Митькиной спине.

– Тока не со всей силы, Никита Иванович! Прибьёте ещё ненароком-то...

– Не бойсь, – выдохнул я, с мясницким хэканьем опуская тяжёлый веник ему на поясницу. – Ага! Ещё?!

– А чего, уже было, чё ли?

– Не понял, – именно что не понял я, в одну минуту хлестанув его со всей дури.

Митя пикнул и обернулся с самым недоуменным выражением лица:

– Никита Иванович, отец родной, дык вы парить-то будете али как?

– Я тебя уже парю.

– Да ладно вам, энто ж какая-то кроха трёхлетняя меня веничком гладит. Покрепче нельзя ли?

Я обиделся и взял веник двумя руками. С начальством так не разговаривают. Ей-богу, клянусь чем хотите, но бедный берёзовый веник я измочалил об Митькину спину до трёх голых прутиков! Сопутствующий этому делу разговор смело можно было ставить саундтреком под любой фильм для взрослых, но толку...

– Ещё, ещё! Поддайте, Никита Иванович! Не жалейте меня, молодого!

– А вот так? А так? А двойным с закрутом и перехлёстом?!

– Ох слабовато будет, ох вяло, ох и не пробирает до косточек, а тока так, скользит себе мимо...

– А я тебя вот так, с разбега! Проняло?

– Ничего не чувствую... Да вы жарьте меня, жарьте!

– Всё, не могу больше...

– У-у, да вы не мужик, что ли?!

– В каком смысле?

– А давайте-ка я вас!

В общем, как вы, наверное, догадались, я сдался первым. Лёг на полку в полном изнеможении, и Митька от души отхлестал меня новым веником так, что из бани я не шёл, а летел, чуть касаясь грешной земли кончиками пальцев ног. Душа парила где-то в небесах, под Полярной звездой, чистая, светлая и незапятнанная, как в детстве...

Баба-яга уже накрыла стол, Назим расщедрился на долму в виноградных листьях, тушёные бараньи потроха, шашлык с помидорами и болгарским перцем, салат из фасоли и лука, а на десерт свежую пахлаву с орехами, буквально сочащуюся мёдом. Покосившись на меня и на с надеждой вытянувшего шею Митьку, Яга покачала головой, порылась в шкафчике и достала бутылку настойки.

Аккуратно разлила на три стопки, выпрямилась во весь маленький рост и тихо произнесла:

– За нас, за братство наше милицейское!

Мы дружно поднялись и чокнулись. Бабка нашла самые нужные слова! Сколько помню себя в Лукошкине, по большому счёту доверять я мог только им, своим верным соратникам по службе, которая, как известно, и опасна, и трудна. И то, что не всегда видна на первый взгляд, тоже правильно: люди должны чувствовать защиту закона, а не его контроль над их жизнью.

Митя занюхал рукавом, быстро закусил долмой и вдруг рухнул как подкошенный прямо под лавку за столом.

– Спит он, Никитушка, умаялся, сердешный. Ну и настойка, ясное дело, поспособствовала.

Я недоуменно покосился на свою стопку. Ни малейшего алкогольного опьянения не чувствовалось, более того, мою голову словно бы провентилировали изнутри. Разум был ясным, мысли кристально чистыми. То есть на меня это действовало иначе, что ли?

– Догада, – насмешливо хмыкнула Яга. – Настойку-то я из одной бутылки наливала, а вот в каждую стопку, на доньшко, своё лекарство капнула. Кому для крепкого сна, кому для бодрости, кому от радикулиту. До утра у нас время имеется, вся ночь впереди. Так уж давай рассказывай, что да как в Подземном мире вызнал? Где Змея искать будем? Как в жилище его пойдём? Каким средством верным злодея бить станем?

– Может быть, сначала вы мне расскажете, почему всё время скрывали факт рождения у вас трёх дочерей?

– Нет уж, сокол участковый, я первая спросила. Так что дела служебные нам ныне поважнее личных будут. Да и дело-то прошлое...

Я внимательно посмотрел ей в глаза. Бабкин кот мягко тронул меня лапкой за штанину, словно бы намекая: не дави, в свой час сама расколется, ей, поди, тоже не в радость столько лет такой груз в одиночку на сердце волочить. Я опустил руку вниз, погладил Ваську меж ушей и уступил.

– Хорошо. Буду докладывать по порядку. Во-первых, отдельное спасибо за полотенце.

– Ширинку, что ль? Да ты её не потерял ли?

Я выдохнул через нос, мысленно досчитал до десяти и начал свою короткую повесть о двух милиционерах в подземном царстве. То есть об одном милиционере и одном даже не знаю, как его назвать. Митька! И этим всё сказано, в детали можно не углубляться, все всё поняли.

Рассказывал я довольно бодро, наша домохозяйка пару раз даже хихикнула. На том моменте, когда дверца шкафа шибанула её зятя поперёк клюва, бабка вообще торжественно пожала мою руку.

Орла она, как я понимаю, всё-таки уважала, хотя и считала безбожным проглотом, прибить которого легче, чем прокормить. Информацию о месте жительства Змея Горыныча восприняла с энтузиазмом – в отличие от меня она про эту Стекланную гору не один раз краем уха слышала. И да, это действительно где-то на востоке. Пешком не дойдём, но на ступе долететь можно. С одной пересадкой, чартером, через Лысую гору Кощея Бессмертного.

– Э-э, секундочку, – споткнулся я, потому что любое упоминание о местном преступном авторитете было чревато плавным перетеканием одного уголовного дела в два, а то и в три. – Вы уверены, что нам надо останавливаться именно на Лысой горе? Мне там, мягко говоря, не рады...

– А меня, стало быть, думаешь, цветами встретят?

– Думаю, оружейным салютом из всех стволов! Бабуль, да он расшибёт нас в воздухе раньше, чем мы зайдём на посадку. Вам Митю не жалко?

– Жалко, молоденький парнишка, – без малейшего оттенка скорби в глазах признала Яга. – И тебя жалко, и царя, и себя, старую, тоже. Однако что ж делать-то? Служба есть служба. И никуда нам от долга перед Отечеством не деться...

– Не слишком пафосно?

– Ай, да сама знаю, что слишком. – Бабка выдохнула и опрокинула вторую стопку. – Не бойсь, чистая валерьянка. Вона как кот уши наострил. Иди отсель, Васенька, тебе нельзя.

– Мяу?

– Нельзя, говорю!

– Мяу-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

– На, подавись. – Моя домохозяйка щедро плеснула в подставленную миску, и кот отвалил на крыльях валерьяновой эйфории.

– Понимаешь, Никитушка, без Кощея нам Змея поганого нипочём не одолеть, – развела руками Баба-яга. – Силой нам его не взять, колдовством не свалить. Ящеры, они ещё с древнейших времён землёй правили. Ещё до Перуна и Даждбога под небом власть держали, и все им покорялись...

– Вы на динозавров намекаете? Так это ненаучно. Легенды легендами, но никто пока не доказал, что во времена Древней Руси на земле ещё водились тираннозавры и птеродактили.

– А тогда кто твою супругу ненаглядную украл? Али и тут врут сказки?!

Я сжал виски руками и крепко задумался. Олёна, Маняша и наша царица были похищены летающим змеем. Это я видел собственными глазами, приобщил чешуйку к делу, опросил свидетелей, спустился за доказательствами в Подземный мир и могу чётко заявить – их унёс Змей Горыныч!

Возможно, фамилия его происходит как раз оттого, что живёт он на Стеклойной горе. Но называть его динозавром?! Он же, по общему уверению, в человека превращается! А факт наличия птеродактилеобразного хомосапиенса ещё не подтверждён даже фантазиями альтернативных историков. И как тут быть...

– Лететь надобно, Никитушка! Ужо с Кощеюшкой-то я и сама переговорю. Не в его интересах, чтоб на святой Руси какая-никакая сила левая без его преступной воли разбойничий промысел вершила. Не попустит он такого безобразия...

С этим тоже не поспоришь. Гражданин Бессмертный у нас признанный авторитет, и практически каждое второе преступление, совершённое в Лукошкине и окрестностях, тянется корнями всё к тому же Кощею Кирдыкбабаевичу. И это факт, с ним не поспоришь...

– Хорошо, я согласен. Теперь ваша очередь рассказывать.

– А я чёй-то устала, кости ломит, в спину отдаёт, да в боку стреляет эдак нерадостно, – с победной улыбкой развернулась Яга. – Утро вечера мудренее, иди-ка спать, Никитушка! Об моей личной жизни мы-то завсегда потолковать успеем...

Я почувствовал, что меня банально кинули. Однако спорить с моей домохозяйкой не стал, одного взгляда на выгнувшего спину кота хватило, чтобы понять последствия излишнего любопытства. Оно, как известно, губит не только кошек, но и милиционеров.

– Спокойной ночи, – приподнялся я.

– И тебе, сокол ясный, – поклонилась бабка. – Вот тока Митеньку из-под стола вытащи, да и в сенях хоть на солому скинь. Пушай тоже на мягком выпится перед дорогой дальней.

Тому, как я тащил на своём горбу тяжеленного Митя, можно было бы посвятить целую главу. Два раза он у меня падал, один раз головой, и серьёзно. Три раза мы рухнули вместе, потому что тащить этого бегемота и не надорваться нереально по-любому.

В сенях он у меня просто соскользнул с плеч и на автомате пополз к своей лавке, где на тот момент, как вы помните, спал Кнут Гамсунович. Мите это было фиолетово, но я успел вовремя развернуть его в противоположном направлении. Митя дважды пытался пробить головой стену, потом влезть на нее же спать, потом плюнул и засопел на соломе в углу.

Уф, теперь и я мог дотопать наверх, до своей старой кровати. Уснул, едва коснувшись головой подушки. Просто как будто бы провалился не только в Подземный мир, но ещё на пару уровней ниже. Довольно глубоко, короче. Снов практически не было, только уже под утро, буквально за полчаса до рассвета, я увидел мою Олёну.

Она была очень грустная и почему-то сидела в нашей московской «Шоколаднице», перед ней стоял остывший капучино с опавшей пенкой. Я подошёл к ней, пытался обнять, заговорить, но она всё отстранялась от меня, всё смотрела на дверь, словно кого-то ждала, а я ей был абсолютно неинтересен. Всё становилось сложнее, запутанней, я окончательно перестал понимать, что к чему, когда в двери вошёл сам Леонардо Ди Каприо, бритый наголо, как баклажан, в спортивном костюме с лампасами, и моя жена вдруг бросила на него самый любящий взгляд. Я протянул руку, чтобы встать между ними, и в этот момент меня разбудил петух.

– Ку-каре-ку-у-у! – на совершенно истерической ноте проорал за окном пернатый ангел-хранитель.

Я подскочил на кровати и, может быть, в первый раз в жизни был ему благодарен, а не хотел придушить. Петух надрывался изо всех сил, насколько ему позволяло лужёное горло и его личные понятия о социальной справедливости. Ну, в том смысле, что если петуху взбрело в голову орать в четыре утра, то ничто на свете этого не изменит. Ну, кроме кастрюли, наверное...

– Бабуль? – Я спустился вниз умытый и одетый к завтраку.

– Иду, иду, Никитушка! Вот уж и кашка крупы гречневой поспела, оладьи с мёдом ждут. А самовар пыхтит, как медведь в берлоге, нас чаем напоить хочет!

– А остальные где? – поинтересовался я, садясь за стол.

– Посла немецкого я ещё до рассвета домой отправила. Нечего ему тут у нас торчать, мало ли чем за то бояре грозить станут, вдруг да у человека хорошего вся карьера коту под хвост пойдёт?

– А Митька?

– В сенях кашу уплетает, – фыркнула Яга. – Он же деревенский, до первых петухов вставать приучен, как бы поздно ни лёг.

Тоже верно. За общий стол нашего увальня бабка пускает редко. «Субординация» в её понимании вещь серьёзная, раз уж царь со своими конюхами за одной скатертью не обедает, так и сыскной воевода до одних щей с младшим сотрудником опускаться не должен.

– По-моему, Митя у нас уже сто лет как член семьи. Без него никогда ничего не происходит. Может, хватит его прессовать?

– Тю на тебя, Никитушка, непонятно чего бормочешь. Энтю всё для его же блага! А ты вона не тьяни, за ложку берись, дорога-то у нас впереди дальняя-а...

У меня разом пропал аппетит.

– Отправляемся на Стекланную гору?

– И вот в кого ты такой догадливый, соколик, прям ума не приложу. Я ещё тебе и сказать ничего не успела, а ты уже сам всё знаешь, – всплеснула руками глава нашего экспертного отдела.

У меня появилось лёгкое подозрение, что она надо мной издевается, но глаза Бабы-яги были такими искренними. Я придвинул к себе тарелку и не стал спорить. Бабка, подперев голову руками, присела напротив. Свойственной многим женщинам малопонятной страстью смотреть, как мужчина ест, она не страдала, значит, просто хочет поговорить.

– Ешь, ешь, Никитушка, не отвлекайся. Я сама те всё расскажу. В путь-дорогу дальнюю нас избушка повезёт.

Ага, мысленно отметил я, логично, в ступе мы все трое не поместимся – перегруз.

– К тому ж ещё нам с собой по пути царя-батюшку захватить надобно. Да в случае исхода благоприятного ещё и трёх девиц здоровых. Однако ж и ступу с собой возьмём, она для разведки с воздуха вещь незаменимая.

Тоже разумно. К примеру, надоест мне в избушке бегущей трястись, так всегда можно просто плавно полететь на бабкиной ступе. Управлять я умею, да и на свежем воздухе быть полезно. Осень уже, последние тёплые деньки захватить надо...

– За домом Васенька да Назимка присмотрят. А в городе нам сейчас ловить нечего, придётся на выезде всей опергруппой преступное дело распутывать.

– Согласен, – наконец смог вставить слово и я, отодвигая пустую миску. – Вы выяснили, как нам победить Змея Горыныча?

– Нахожусь в процессе, – неопределённо покривила губки глава экспертного отдела, булькая мне в чай три ложки варенья. Ясно. Я только-только хотел сказать, что такой сладкий не буду, как в горницу вломился Митя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.